

A large, golden bull statue with massive, curved horns stands on a tiered pedestal in a grand, sunlit temple. The bull's head is turned slightly to the left, and its body is covered in intricate, flame-like patterns. In the foreground, a man in a dark robe and hood stands with his back to the viewer, looking at the statue. Other figures in similar robes are visible in the background, and the temple's architecture features tall columns and a large, arched opening in the background.

А.В. Манин-Уралец

**Роман в новеллах.
Книга 3.
Раздвоение
Молоха**

А.В. Манин-Уралец

**Роман в новеллах. Книга
3. Раздвоение Молоха**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Роман в новеллах. Книга 3. Раздвоение Молоха / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

Все главы-рассказы в книге 3 романа так или иначе дополняют друг друга исторической канвой, где параллельно с судьбой современников в своем времени живет исторический персонаж - главный герой произведения купец Иван Протасов, осуществивший мечту – поступить на службу в секретные лаборатории литейных цехов императора Петра I. В будущем он – первый российский золотодобытчик. В книге повествуется и о его любви и поиске собственного личного счастья. Ведомство «Три кашалота» занимается розыском золота в прошлом и настоящем; попавшая в ведомство информация о блестящей судьбе золотоискателя Протасова заставляет службы «Кашалотов» изучать все имеющиеся и вновь поступающие данные о его жизни в молодые годы. Это приводит к находке сокровищ. Происходящие таинственные события в Санкт-Петербурге выводят следствие к таинственному Молокку - спасителю детей - и выявлению преступников.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Роман в новеллах. Книга

3. Раздвоение Молоха

РАЗДВОЕНИЕ МОЛОХА

(или крылатый Телец, спасающий детей)

Роман детектив-фэнтези в рассказах и мини-повестях.

I

БИБЛЕЙСКИЙ МОЛОХ И ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ МОЛОКК: РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРОФЕССОРА ПЕТРЕГИНА

(Рассказ)

Начальник отдела альтернативных технологий регистрации унифицированных источников «Альтруист» ведомства Илья Сергеевич Куртяхин был приглашен в отдел следственно-оперативной работы «Сократ».

Ведомство «Три кашалота», в котором работал «Сократ», создавалось с целью поиска драгоценных металлов, их залежей или кладов, где бы, в какое бы время они ни находились: лишь бы об этом имелись какие-либо источники.

Служба детективов приступала к работе, как только у поисковиков драгметаллов всплывали факты криминального характера. Там, где дело касалось сокровищ, без следственно-оперативной работы не обходилось никогда.

Все службы работали параллельно, но в тесном взаимодействии, и каждая из них выполняла свою специфическую задачу. Начальники отделов и бюро нередко спускались с трех верхних этажей на первый, чтобы пообщаться с детективами. Обе структуры в течение дня систематически отчитывались перед главой ведомства генералом Георгием Ивановичем Бреевым. Любая следственно-оперативная задача решалась в течение дня. И каждое утро генералом ставилась новая задача.

Сегодня в «Трех кашалотах» следовало выяснить: не связано ли убийство у памятника древнему божеству Молоху с тайнами о древних золотых кладах.

Мотив для поиска такой связи уже был найден...

Крупный, сильный, обладающий несомненным талантом в следственной работе начальник отдела «Сократ», полковник Халтурин всегда ощущал небольшой дискомфорт при общении с начальниками отделов, бывшими в подчинении у генерала Бреева. Полковник не имел права требовать от них ни дисциплины, ни отчетов: только обращаться с просьбами и довольствоваться тем, что получал.

Двойственность положения «Сократа» в системе ведомства заставляла Халтурина быть, по-своему, дипломатом. Впрочем его огромное уважение к любому сотруднику «Кашалотов», как к неординарной личности, вызывало и у них бессознательную реакцию теплоты. И часто его просьбы к операторам Бреева выполнялись ими, как приказы.

- Вот о чем, Илья Сергеевич, я бы вас сейчас попросил, - сказал Халтурин Куртяхину, приподнимаясь над столом и мягко обхватывая большой пятерней узкую кисть начальника

отдела «Альтруист» и затем показывая на стул. – Не могли бы вы уточнить степень лояльности одного мифического персонажа к нашему... как бы это сказать поточнее... к нашему русскому миру? Ко всем россиянам, разумеется: татарам, евреям, кавказцам, алтайцам, северным народностям, дальневосточным...

- Сделаю все, что смогу, - кратко резюмировал Куртяхин.

- Дело тут вот в чем. Устроен дебош при открытии памятника одного из таких, знаете ли, скульпторов, которые любят изображать персонажей басен или клоунов из цирка на Цветном бульваре. Памятник этот в Санкт-Петербурге.

В данном случае это, не поверите, - бык с человеческой, хотя, слава Богу, мужской головой. Могла быть и женская.

- Да, от наших современных импрессионистов можно ожидать чего угодно! – вежливо согласился Куртяхин.

При этом он кивнул, улыбнулся, положил суховатые, но сильные и жилистые руки на стол и удобнее устроился на стуле; он вытянул ноги, положив одну лакированную туфлю на другую.

На полковника, видно, напало красноречие. Что-то явно задело его за живое, и он продолжал говорить, выговаривая:

- Ну, когда речь идет о том, у кого, наоборот, человеческое тело, а голова того... ну, животного, птицы, мы это принимаем. Мы уже к этому, можно сказать, привыкли. И, Бог с этими художниками и скульпторами!..

Так вот... Мэрией Санкт-Петербурга скульпторам дано на это «добро», и преступления в этом мы тоже, конечно, не усматриваем. Это и не в нашей компетенции, - с некоторым сожалением добавил Халтурин. - Мы даже можем пропустить мимо ушей выступления разных ораторов о том, что человеко-бык новой эпохи выведет общество из лабиринта нескончаемого кризиса... Вы понимаете, о чем я?

- Да, товарищ полковник. Скоро пойму еще лучше.

- Мы можем согласиться, что надо осудить тридцать шестой год и поставить памятники жертвам репрессий. Это нормально. И даже памятники тем, кто призывает мужиков отказаться от, простите, баб, а последних - от мужиков. То есть, вы понимаете, - от чего именно!

- Ну, ясно, детородных органов!

- Вот и я о том же, Куртяхин! Дошло до того, что уже призывают узаконить однополые браки и связь с детьми от тринадцати-четырнадцати лет!

На этом фоне споры вокруг шапки Мономаха, о том, кто победил орду и существовал ли Советский Союз, - попросту меркнут. Согласитесь!

Куртяхин кивал.

- Я возмущен, и этого не скрываю. Вот посмотрите-ка! - Халтурин взял пульт и, направив его на большой плоский экран, на стене справа от себя, включил видеозапись демонстрации и выступлений у памятника.

На самом деле, изделие скульпторов импрессионизма начала XXI века показалось Куртяхину несколько странноватым.

Бык стоял на задних ногах; они прочно уперлись в Земной шар.

Передние ноги свешивались, но были расставлены немного в стороны, как бы указывая на что-то внизу, у постаментов памятника. Там имелись дополнительные атрибуты общей композиции: в том месте, куда указывали копыта, оказались скульптуры детей, подростков; а между ними было размещено нечто, напоминающее алтарь с очистительным огнем.

Языки пламени также были бронзовыми.

По одну сторону пламени стояли те, кто готовился перепрыгнуть через алтарь, а по другую – уже совершившие этот очистительный акт.

Бронзовое животное было мужского пола не только в его верхней части. Голова напоминала Куртяхину какого-то ученого средневековья.

Это был человек с высоким лбом, небольшими залысинами, длинным ровным носом, явно пышными бровями, близко поставленными к носу глазами с выразительными веками, длинными усами, как бы расставленными по сторонам и ниспадающими на окладистую бородку с бакенбардами.

Голова, обрамленная небольшой шапкой волос, прежде чем стать частью бычьего тела, была поставлена на ажурное жабо.

Что касалось частей тела быка, то все они были выражены также ярко, искусно, до мельчайшей детали и без учета какого бы то ни было мнения радетелей за нравственность, слабых завистливых мужчин и жителей района, имеющих несовершеннолетних детей.

Неподалеку от детской площадки и сквера для гуляющих с колясками матерей этот монумент - метров пять высотой, не считая его постамента – стоял олицетворением навсегда потерянного скромного поколения.

Халтурин глядевший на экран монитора, хищно наблюдал, как видеокамера цепко выхватывала и приближала фигуры и лица отдельных участников митинга и его ораторов, словно, специально, чтобы было легче их запомнить.

Только Куртяхину они были не интересны.

Эту породу людей, подхватывающих всякие сомнительные инсинуации западной толерантности, лояльной к извращениям, он не любил также, как все нормальные люди.

Если кому-то при определении западной демократии хотелось поднять обе руки и пальцами пощипать воздух, изображая кавычки, то у него, Куртяхина, кроме того, всегда возникала потребность эту ложь и разоблачить.

Бесцеремонность, с которой вторгалась в русский мир эта демократия, в кавычках же, поневоле вызвала ответную реакцию: стараться не замечать в ней ничего хорошего, а видеть в ней только каверзу, мерзость, ненависть ко всему доброму и человечному.

Не требовалось особой прозорливости, чтобы видеть: страна все еще остается в опасности.

Куртяхин не был членом ни одной партии.

Но у него были нормальные мозги.

И, опять же, зачем вот здесь, под этим бронзовым чудовищем с большими и, казалось, превысившими нормальные размеры, гениталиями, изображены дети, причем, полунагие? У отдельных девочек выпали из маечек и ночнушечек чуть сформировавшиеся женские груди.

Их у памятника уже принялись гладить какие-то люди - и мужского, и женского пола; и не было сомнения, что будет сочинена легенда, как это притрагивание к сиське девочки или попке мальчика поможет студенту сдать экзамен, а педофилу безнаказанно совершить свое преступное дело.

- Вот посмотрите только на этого! - Полковник указывал лазерной указкой на одного из таких, невысокого роста, но худого и будто скрюченного от желания скрыть свою сущность - воспаленную страстью к подростку.

Плечи его приподнялись чуть не до ушей, нос сгорбился, словно, чтобы скрыть эту выдающуюся на любом лице примету, глаза были утоплены так, точно он обладал способностью их прятать; и он выкатит их обратно, как рак, когда потребуется попятиться задом. – Экземпляр!

- Еще какой! – опять вежливо поддакнул Куртяхин.

- Если бы один! – с досадой сказал полковник. И положил тяжелый кулак на стол. - Но уж этот-то нами выявлен: бывший руководитель секты «Минотавр», державший в подземелье с десятков своих «прихожанок», матери которых уже не чаяли их вновь когда-нибудь увидеть у себя дома!

К счастью для этого мерзавца, он заставлял их совершать лишь сакральные ритуалы: например, перепрыгивать через костер и ходить с голыми ступнями по горящим углям. Мне бы его в руки и в лес. Попрыгал бы!..

- Кажется, одна из его бывших воспитанниц - ныне известный шоумен, выскочившая к славе, как из торбы.

- А, вы в курсе?! Правда, этот мерзавец-«педагог» об этом узнал уже после того, как шесть лет отсидел за решеткой.

- Да, я в курсе. Об этом писали. Его имя Кориандр Велурович Роков, потомок побочной ветви фамилии протоинквизитора Санкт-Петербурга графа Широкова...

- К тому же, граф Широков уже не раз мелькал в наших делах, касающихся поиска следа к золотым залежам с помощью первого золотодобытчика России Ивана Протасова.

- Да, это тот самый инквизитор. Личность в Санкт-Петербурге петровских времен он слишком известная. Занимался преследованием раскольников, поиском сакральных тайн, обеспечивающих власть и богатство. Не удивлюсь, если вновь поступят сведения и о его развратном племяннике поручике Бецком. – Проявив осведомленность, Куртяхин спросил: - Так чем я могу быть полезен?

- Более подробно о вставшей перед нами задаче вы ознакомитесь... - Халтурин взглянул на часы, висевшие над экраном монитора, - буквально через минуту. Да вот и они!..

Он встал и направился к двери, где встретил прошедшего в кабинет первым гостя, в котором Куртяхин признал ученого, профессора Института истории РАН Самуила Вавиловича Петрегина.

Дело Петрегина, очевидно, не завершилось. Видно, этого он сам пока не желал. Это он нашел старинный архив петровских времен со сведениями о первом золотодобытчике России Иване Протасове. На профессора было совершено нападение, с целью выведать информацию о какой-то старинной книге ведических знаний, открывающей путь к могуществу и сокровищам Петра I. В результате ведомство «Три кашалота» вышло на древние клады, а отдел «Сократ» разоблачил ряд преступников и преступных группировок.

И вот он, герой «Кашалотов»: довольно расторопный, крепко стоящий на ногах, хотя и с тростью; уже довольно упитанный, гладко причесанный и в хорошем не мятом костюме, представший, по-видимому, в качестве эксперта.

Куртяхин знал, что делом Петрегина и упомянутым в найденных рукописях золотодобытчиком Протасовым – в его молодые годы - вплотную занимался оператор отдела проверки криминальных фактов истории «Опокриф-«И» Андрей Страдов, выявивший, кажется, какого-то Духа Яви и мозаику зеркал бога шведов Одина; сейчас его присутствие здесь, казалось, было бы уместней.

За профессором вошел в кабинет заместитель Халтурина, начальник отдела оптимизации информационных связей в криминогенном континиуме «Поиск» майор Борислав Юрьевич Сбарский.

Поздоровавшись с профессором, поблагодарив за желание сотрудничать, за приезд из Санкт-Петербурга в Москву, Халтурин указал гостю на стул и возвратился на свое место. Остальные расположились за тремя длинными столами, примыкающими друг к другу один вдоль другого, но перпендикулярно просторному столу хозяина кабинета.

Каждому досталось по столу.

- Объясните еще раз нам, пожалуйста, профессор, - сказал Сбарский, - и мы все вместе послушаем, - кивнул он на Куртяхина, одновременно здороваясь с ним, - с чем именно мы имеем дело, когда изучаем материалы о подобных памятниках, так сказать, - ультрасовременном искусстве?

Вы уже знаете, профессор: наша задача, с одной стороны, - это поиск драгметаллов и сокровищ, а с другой - преследование и наказание преступников.

Так вот, подскажите, пожалуйста, что нам следует учесть, чтобы, осуществив второе, не навредить первому?

Задав все эти вопросы, Сбарский глянул на часы.

Высокий и сильный, под стать полковнику, но молодой и энергичный, он всем видом показывал, что без единого грамма сомнения согласился бы стать беспощадным детективом-машиной, если бы это потребовалось для дела. И на совещаниях он не собирался скрывать, что, как никто из оперативников, ценит каждую свою рабочую минуту.

Петрегин это почувствовал и без обиняков приступил к объяснению.

- Я вас хорошо понял. – Он повернулся к Куртяхину и наставительно, покачивая головой, стал ему отдельно, будто студенту, внушать:

- Речь идет о древнем божестве, упоминаемом в Библии, Молохе, или же его славянском отражении, уже с новыми свойствами, - духе Молокке, живущем в зеркальном лабиринте. Свой лабиринт еще в строящемся Санкт-Петербурге этот еврейско-русский дух-Минотавр устроил в подземелье древнего финно-угорского капища.

Потом капище было разобрано по кирпичику и по камешку для постройки каменного моста через канал у стен Петропавловской крепости.

Правда, это случилось не при Петре, а при занявшей трон, после императрицы Екатерины I, его племяннице Анне Иоанновне.

Строителей тогда не заинтересовали разве что слишком глубокие фундаменты из древнего бута, которые, как выяснилось уже в наше время, были в более ранние эпохи искусно оштукатурены, и на них наносились фрески древних славян-русичей – потомков гиперборейцев.

- Сбарский, подняв пульт, включил экран. Посмотрев на него и увидев видео реконструкцию, созданную по данным всех собранных материалов, профессор поблагодарил Сбарского и поднял в направлении экрана слегка трясущуюся руку.

- Вот, на одной из фресок, поглядите внимательней, - указывал он на кусок стены с отвалившейся штукатуркой, что тут же вырос во весь экран, - изображено нечто очень схоже с упомянутым мною греческим хранителем лабиринтов: с тельцом, у которого человечесья голова.

Но на фресках это - древний славянский дух Молокк, имеющий одни корни с упоминаемым в Библии Молохом - духом с человеческим полым телом и головой тельца.

Петрегин повернулся к Халтурину и наставительно произнес:

- Только Молокк в отличие от Молоха, по поверьям, получил от создателя черты Иисуса в его самые печальные, горькие минуты сомнений перед казнью на Голгофе - перед тем, как он станет Богом Спасителем для всех.

Молох же был изгнан еврейским богом Яхве; еврейскому народу было запрещено поклоняться ему, но Господь христианский сотворил двойника Молокка, наделив его только позитивными чертами. Значит, и боль, и сомнения – это черты, характеризующие в душе позитивное. - Петрегин вдруг тяжело вздохнул и объяснил свою заботу:

- Однако сомнения Молокка, возможно, пошли слишком далеко! И он с определенных пор, по неизвестной мне причине, живет в постоянной готовности к раздвоению. Да! Так, по всей видимости, повлияли на него муки Иисуса!

Ведь Иисус не хочет послушаться Бога-отца, и он сознательно идет по пути к скорой Голгофе; но ему стало страшно, и он все же как бы засомневался в Идее выбора Богом-отцом его жертвы - сына его Иисуса. С другой стороны, Иисус не желает остаться и простым смертным, ибо в этом качестве не сможет искоренять зло и помогать страждущим.

Одним словом, согласно древней легенде, сомневающегося Иисуса, когда он, едва не поддавшись отчаянию, спросил отца: нельзя ли поступить с ним как-то иначе, не подвергать казни, славяне стали изображать его, порой, и с бычьей головой. Хотя у еврейского библейского Молоха, которому поклонялись древние евреи, - подчеркиваю, - другие корни. В разных находках археологов все божки и духи с человеческим телом и головой тельца схожи. Но пути и судьбы их разные.

- Дело начинает проясняться, - сказал Халтурин и посмотрел на Куртяхина.

- Да, пока мне все понятно, - согласился тот. – Спасибо!

- Если проследить путь Молокка, то он – как бы отделившаяся от Иисуса Христа сущность, - в пору, когда Господь принял окончательное решение: казнить сына.

Молокк с тех пор скитался по частям света, в том числе, разумеется, и на американском континенте.

Он же позже помог указать пути евреям, славянам и другим народностям белой и черной расы пересечь океан, ассимилироваться на новых землях желтокожих и краснокожих индейцев.

Среди индейских племен Молокк, имеющий силу принимать любой облик, стал почитаться богом под разными именами, а наиболее известный – божество воздуха... Во всяком случае, некоторые пытаются это доказать...

- Извините, - вдруг прервал себя профессор, - через час у меня доклад в Академии наук, точнее в Институте истории естествознания и техники РАН. Более того, что я принес вам в отдельной папке, - надеюсь, вы заглянули в нее, - мне добавить все равно больше нечего.

- Спасибо вам, Самуил Вавилович. Мы, конечно, внимательно изучили содержимое папки. И по ним также, возможно, уже готова видео реконструкция. Таким образом, мы сможем увидеть на экране увлекательную историю. Жалко, что вы не сможете посмотреть ее с нами, профессор. Ведь, помимо ваших комментариев, там осуществлен анализ электронной системы, - сказал Халтурин, но в голосе его не было энтузиазма, который мог бы указать, что дальнейшее присутствие Петрегина здесь обязательно.

- О, в возможностях вашей видео программы «Скиф» я уже давно несколько не сомневаюсь. Вот потому-то и ретируюсь! Далее обойдетесь без меня. Но, надеюсь, когда-нибудь вы подарите мне запись этой – уверен - оригинальной версии, ведь это было бы справедливо? Тем более, что я опять пострадал!

Барский тут же вставил слово:

- Не сомневайтесь, Самуил Вавилович, подарим, обязательно подарим! И сочтем за честь! Но только после того, как дело будет закрыто, и в том объеме, который не содержит секретной информации. Еще раз позвольте выразить вам наше соболезнование. Преступники будут наказаны...

- Да, да, конечно! Накажите их. И посуровей!

- Так и сделаем! - вставил последнее слово и Халтурин. - Уж извините, но таковы правила.

- Он позвонил секретарю, чтобы проводили гостя, затем встал из-за стола, чтобы довести гостя до двери.

Самуил Петрегин, шагая в указанном направлении, опираясь на трость, одновременно протестующее тряс руками, улыбаясь и оправдываясь, давая понять, что ни в коем случае не претендует на особые тайны «Кашалотов».

Затем еще раз приняв уверение в признательности за тесное сотрудничество, он поблагодарил всех провождавших его за внимание и сочувствие, отвесил поклон истинного интеллигента времен Белинского и исчез.

II

СВИДЕТЕЛЬСТВО БЫВШЕГО ПОСТРАДАВШЕГО.
НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОЛОХЕ И МОЛОККЕ.
ВСЕ СВОДИТСЯ К РИТУАЛЬНОМУ УБИЙСТВУ?

(Рассказ)

Как бы взамен одного профессора Петрегина в кабинет полковника Халтурина вошло несколько следователей и оперативных работников его службы «Сократ».

Получив разрешение, они заняли свободные места.

- Этот профессор, он что, опять пострадавший? – удивленно спросила одна из них, сотрудница бюро сверки данных с феноменальной фотографической памятью, блондинка среднего роста с бледноватым лицом, серыми глазами и широким, как у ребенка, ртом Клара Лимончикова.

Она кивнула на дверь, за которой только что столкнулась нос к носу с Петрегиным и, стуча туфлями на высоких каблуках, перемесилась поближе к столу полковника, оказавшись за своим напротив майора Сбарского.

Было видно, что вопрос был задан чисто риторически, и с той вольностью, которую могли позволить себе в присутствии полковника только женщины в погонах.

- Если свидетелей причислить к пострадавшим, то – да!..

Не только ей, но многим в «кашалотах» было известно дело Петрегина: ученый историк открыл архив золотопромышленника петровских времен, после чего едва не погиб в результате нападения на него в собственной квартире; преступники ворвались в надежде завладеть какой-то древней книгой с ведическими тайнами или сведениями о ней. Ученого ранили ножом, но не смертельно, он даже нашел сил дозвониться до скорой помощи. Потом он оказался свидетелем убийства при открытии памятника Екатерины I в День толерантности, проводившийся впервые.

И вот он опять оказался в центре внимания, но ведь не только потому, что «Сократу» потребовалась консультация?

- Что, и впрямь он у нас проходит свидетелем? – удивилась Лимончикова? – Большие глаза ее красиво мигнули.

- Представь себе! И опять свидетелем убийства! И, не поверишь, - опять при открытии памятника, правда памятника древнему славянскому идолу, - ответил Сбарский, улыбнувшись молодой женщине.

- Он что, притягивает преступников, как магнит, что ли? – более констатировала, чем спросила, она.

- Скорее криминальные события притягивают его. Он оказался на открытии памятника Молокку, естественным образом предполагая, что это значительное культурное мероприятие, может, - и историческое.

- Но мало того, что Молокк в не совсем одетом виде, так прямо в то же время убили человека, правда, уже не владельца золотоприисковой фирмы; иначе всем можно было сойти с ума, и каждого бы в психиатрии оправдали. И, к счастью для профессора, свидетелем теперь является не один только он.

- И мы для того собрались, чтобы виртуально поздравить профессора? – Понятно, видно, у кого-то много лишнего времени, - сказала Лимончикова и поправила под собой юбку.

- Профессор оказал нам услугу! Он дал консультации! – назидательно сказал Халтурин.

- Можно узнать, что конкретно в связи с этим поручается моему отделу? – спросил Куртяхин, как всегда в окружении детективов чувствуя себя не в своей тарелке.

Халтурин взял пульт, который по его знаку передал ему Сбарский, и сказал:

- Сейчас вы поймете, что без вас мы попросту запутаемся в том клубке, который завязался у этого, с позволения сказать, памятника. Создается впечатление, что была запланирована новая националистическая акция. Но посудите сами. - И он вновь включил экран. Все повернули к нему головы.

На экране возник только что исчезнувший из этого кабинета Петрегин. Но был он какой-то помятый и постаревший лет на десять: казалось, ему уже за шестьдесят, не меньше.

Он находился в отделении полиции в Санкт-Петербурге и на вопросы следователя взволнованно, вытирая губы платком, отвечал:

- Повторяю, специально для протокола. Вы записываете?.. Так вот... В ту, я бы сказал, торжественную, но оказавшуюся на деле трагической, минуту я стоял у постамента, ожидая, когда, наконец, с памятника сорвут покрыва и перед нами предстанет древнеславянский бог Молокк. Не скрою, было много зарубежных гостей, в том числе из Израиля, Германии и, опять же Прибалтики и Скандинавии: последних я различил по акценту...

Ветер совал часть покрывов, и глазам публики предстали бычьи ноги и, простите, его толстый хвост - третья точка опоры - и то, что сразу же вызвало просто смех. Еще бы! Эта штука, не скрою, потрясла и меня, хотя я не ханжа и сам, прошу прощения, еще с удовольствием засматриваюсь на красивых женщин. Ну, вы меня понимаете?..

- Допустим, - ответила ему следователь.

- Слово за слово, и в ответ на русскую брань и хохот, - а я, не скрою, тоже люблю посмеяться, - кто-то выкрикнул что-то непотребное для русского слуха! Замечу, с акцентом! Хотя говорившие были, помню, один Иван, а другой - Виктор.

Что если бы, де, не прорубленное Петром I окно в Европу, Россия осталась бы неумытой, как при монголо-татарах. Естественно, начались споры. Не мог удержаться и я. Вступили в спор появившиеся, как из-под земли, монголо-татары, в военной одежде, с луками и колчанами, трое - на низкорослых монгольских лошадаках...

Куртяхин изумленно повернул голову в сторону Сбарского. «Прямо дежавю! Ведь и предыдущее дело Петрегина было связано не только с открытием памятника, Екатерине I в Москве, но и тем, что там же появился вскоре хрономираж небольшого татаро-монгольского отряда!»

Сбарский, получив разрешения у Халтурина, выключив съемку опроса свидетеля Петрегина, подтвердил для всех:

- Лошадки и впрямь были, и отнюдь не хрономиражи. Уже проверено по материал видеокamer, охватывающих все пространство площади. Правда, откуда они появились и куда потом подевались, никто сказать не может. Но, посмотрим дальше. - Он опять включил экран. С экрана Петрегин продолжал:

- Монголы давай гоготать. Я им: перестаньте портить праздник! Тогда я еще не понял всей этой подлой подоплеки. Подошедшие образованные соотечественники, вникнув в суть назревавшего конфликта, опять же, посмеялись: было бы что обсуждать! Ну, всем ведь известно: стояние на притоке Оки Угре, когда золотордынцы не решились больше воевать Московскую Русь и повернули восвояси, поставило в этом вопросе окончательную точку. Не так ли?

Ведущая с ним беседу сказала кратко: «Конечно!»

- Но вдруг этот, тот, что с прибалтийским акцентом, провокатор, честное слово! Он заявляет уже мне прямо в лицо: «Иноземное иго свергли благодаря взятке, а не угорщине!». То есть как так? - спрашиваю я, совершенно обескураженный. «А так, что было то стояние дымовой завесой дипломатических игр вступивших в сговор московских князей и ханов...»

И все в этом роде. Я, простите, историк, ученый, профессор. Петрегина, можно сказать, весь просвещенный Питер знает. Я тому бусурману в ответ: в лето 6988-е от сотворения мира, то есть 1480 год от Рождества Христова, когда хан Ахмат двинулся в поход на Русь, уже девять лет как великий князь московский Иван III Васильевич не платил ордынцам никакой дани. И очень разгневан был тем обстоятельством царь Большой Орды... А этот, иностранец, свое: договорились они; Ивану III, дескать, стыдно было показать слабость перед ордой, и давал он деньги, якобы, в долг меньшому брату Андрею Вологодскому, для того, де, чтобы тайно платить «выход» - то есть дань, на подношения тому ордынскому царю и детям ордынским ханов - царевичам. И давай о каком-то цильминском золоте врать!

Но замечаю: врет иностранец с понятием, и я тут же начинаю подозревать: он явно из тех, что всюду лезут Русь учить-поучать. Я ему: разве ж хотя бы то, что царь сам наврал - не аргумент ли в пользу русской силы!

И потом, говорю ему, ты, видать, сам-то прибалтиец, а монголы, отступая вдоль Оки, пограбили литовские пограничные волости. Как, говорю, вам, мил человек, не совестно? А он так, чтобы каждый кругом слышал, кто к нашему спору прислушался: «Да я ради того, чтобы вашей России худо сделать, даже дите свое готов поставить вот сюда!»

И указывает мне на бронзовых оголенных ребятишек, что готовы прыгать через огонь алтаря.

Я еще, помню, подумал: видно, этих ребятишек приготовили на заклание, хотел получить по данной проблеме пояснения... Но вдруг монгол мне, тыча плетью прямо в лицо, заявляет:

- Может, скажешь: вовсе не было и ордынского влияния!

- Что было, то было. Это, говорю, доказанный исторический факт. Хотя кто на кого повлиял – еще вопрос!

- Может, - говорит второй монгол, чья лошадиная морда слюной мне костюм измарала... видите, - указывал Петригин на поврежденный костюм, - может, говорит, и шапку Мономаха не князь Узбек подарил?

Я, не скрою, слышал о том, что будто бы шапку эту князю Юрию Даниловичу или же Ивану Калите, - видите, здесь нет никакой твердой научной почвы, - хан пожаловал, но это давно опровергнуто: исполнена она рукодельцами по-византийски во всех деталях.

Я только что хотел я на эти детали указать, как тут, как разто, покрова с памятника сдернули! Все умолкли, повернулись к Молокку, даже лошади; люди ахнули. И только краем глаза вижу: как оппонент мой, вдруг, дернулся, вскрикнул и упал навзничь. Я видел, как закричала рядом женщина, но крика я не услышал, потому, что, как увидел я отсеченную голову, лужищу крови, так тут же помутилось в собственной голове. Еще слишком свежо в памяти, как меня самого совсем недавно пытали ножом бога Одина и пырнули мне в бок в моей собственной квартире! А потом при открытии памятника Екатерины I в Москве также рядом убили, задушив, золотопромышленника Кахобакова.

- Ну-ка, профессор, пожалуйста, сначала и подробнее! - попросила следователь. Это была красивая молодая женщина, шатенка с пышной шапкой волос, чистыми выразительными глазами, подведенными тонкими бровями и с напыленными фиолетовой краской губами. Видно было, к видео-записи она тщательно подготовилась.

Просмотрев эту видеозапись до указанного фрагмента, Халтурин дал знак, и экран большого монитора погас. Сбарский положил пульт. Смотревшие кино, сидевшие к экрану в пол-оборота несколько сотрудников отдела «Сократ» приняли прежнее положение, положив руки на стол.

- Очень любопытное совпадение, согласитесь? - сказал Халтурин. – Найденная Петрегиним историческая летопись до сих пор у нас в обработке, а он опять тут как тут...

Речь, напомню, идет об архиве с жизнеописанием Ивана Провича Протасова, сподвижника Петра I, ставшего после смерти императора, как бы сейчас сказали, нелегалом-золотодобытчиком, укрывателем налогов, олигархом-миллиардером и прочее, прочее...

Правда, судя по отдельным записям летописи, - а в архиве пришлось перевернуть целые тома черновики, - Протасов не один год выручал царскую казну, пополняя ее золотом и самоцветами, которые копал в южноуральских горах, на территории нынешних Миасса, Златоуста и Угря.

Протасов, пока еще при не выясненных обстоятельствах, спас императора Петра при покушении на него, за что, кстати, получил награду и от Екатерины I. Таковы данные.

Сыграли нам на руку и другие выявленные факты его биографии. В общем, мы еще на подступах к разгадке тайны его золотых копеек. Косвенно он уже вывел нас на другого золо-

топромышленника, более поздних времен, Баакина: ряд из указанных им в секретной карте своих рудников оказался нетронутым до сих пор. Но по приказу генерала Бреева они, разумеется, уже изъяты. План есть план!..

Послышались смешки. Специальный отдел криминогенных и аномальных явления «Сократ» имел к выполнению плана по золоту опосредованное отношение. Детективы подключались к работе только в том случае, когда раскрытие совершенного преступления могло вывести на след новых драгоценных жил, россыпей или кладов. Без выполнения «золотого плана» Бреевым работа Халтурина считалась неэффективной, хотя бы при этом и были выявлены, задержаны и переданы суду какие-либо преступники.

Халтурин, видя реакцию сотрудников, все же твердо заявил:

- Да, план есть план! Но, разумеется, мы, прежде всего, должны найти нового преступника, отсекающего головы... А золото, - вы, конечно, правы, - все равно никуда от нас не уйдет. Не было еще такого, чтобы оно ушло. И все же, я уверен, каждый из вас заскучал бы, не будь перед нами следа преступника! И это, надеюсь, подтвердит также начальник следственно-оперативного бюро расследований «Собр» майор Кантемиров.

- Как уже удалось установить после просмотра видеозаписей с площади открытия памятника, - начал Кантемиров, открыв свою папку, - убитый иностранец затеял спор с Петрегиным и с другими свидетелями не случайно.

Целью его было спровоцировать рознь между москвичами и гостями столицы.

Это подтвердил целый ряд подобных инцидентов в разных районах Санкт-Петербурга и Москвы, где в этот день совершались провокационные акции: в культурных центрах, у мечетей, синагог и католических соборов, в обществах дружбы. Несколько человек из числа задержанных признали в убитом члена своего тайного сообщества - с наименованием «Молох».

- Не успокоятся националисты. Уже слышно: нечто подобное затевается в Киеве, - сказала Лимончикова.

- Да, и Украину не оставляют в покое, ироды! – согласился Сбарский.

- Кстати, - продолжал Кантемиров, - профессор Петрегин, когда узнал о названии этого общества - «Молох» - тут же прислал нам, в папке дополнительных документов, и следующее признание.

Когда он поднял глаза от тела убитого и воздел руки к небу, то увидел памятник будто новыми глазами. Тот поразил его, прежде всего, тем, что скульптура распростерла обе передние ноги с копытами вниз, как бы указывая на место убийства, и при этом она, будто, заранее предвидя это, - улыбалась. Улыбалась человеческая голова Молокка!

И тут Петрегин заметил, что эта голова скульптуры была очень похожа на ту, что лежала перед его ногами: черноволосая, с широкими усами, бакенбардами и окладистой аккуратной бородкой, с черными дугами бровей, близко посаженными глазами с выпуклыми веками, с тем же длинным ровным носом. Потом выяснилось – это был макияж: под личину Молокка. Петрегин сообщает, что, данный акт убийства мог быть актом жертвоприношения идолу Молоху со стороны его почитателей, как бы убивших Молокка!

- Так вот откуда у меня эти данные! Свеженькие! – тихо воскликнула Лимончикова. – Я их все сверила. Разрешите, товарищ полковник?.. – Итак.. Вот что наш профессор прислал нам в дополнение к своей гипотезе...

Это, во-первых, выдержка из «Библейской энциклопедии», зачитаю ее. Она громко, чуть ли не по слогам, продекламировала: «Молох (царь) (Лев. XVIII, 21, III Цар. XI, 7, Iер. 35, Деян. VII 43) – название языческого божества... По описанию... Идол Молоха представлял медную статую с бычьей головою, прочими человеческими членами, с пустою внутренностью и с простертыми к низу руками, на которые полагали обреченных ему в жертву...» А, во-вторых, - как тут, кстати, подчеркнуто, - разъясняет кое что и обнаруженная Петрегиным в архивах Протасова выдержка из «Славянских ведов, главы книги «Молокк»: «...С ударением на первый

слог - Молокк (царь) (Св. XXIII, 223, 8 Цар. XI, 17, Кн. 8, Деян. 8) – название языческого божества...

По описанию... идола Молокка представлял Дух с тремя крыльями, одно из которых невидимое крыло; он как воздух, способный раздвоить разум и тело, не признающий жертв, кроме любви и спасения детей, проводимых через огонь».

Примечание: «Молокк упросил Господа вписать в скрижали запрещение варить козленка в молоке золотой матери его, что, якобы, подтверждается в Книге «Исход», в главе XXIII, 19, где правда, отсутствует слово «золотой».

Лимончикова перевела дух. Никто ей не помешал.

- Что ж, - подняла она голову от документов и продолжила, посмотрев на Халтурина, - исходя из полученных данных, товарищ полковник, мы имеем возможность выдвинуть другую версию и зацепиться за нее: что член группы «Молох» был убит членом группы «Молокк».

- Да, не даром же голова статуи улыбалась!

Сбарский сказал:

- Как мы теперь знаем, божеству Молокку не нужна смерть хорошего человека, но, в то же время, этот дух, если он существует до сих пор, мог раздвоить чей-то оскорбленный разум; и это спровоцировало мотив убийства.

- С другой стороны, мы не можем не опираться и на доводы профессора Петрегина, что преступной организацией «Молох» попросту был принесен в жертву один из своих членов, - сказал Куртяхин. Если так - дело закрыто!

Сбарский с осуждением посмотрел на оператора. Полковник же пропустил эту вольность, как неудачную шутку.

- Но и ритуальное убийство остается убийством, - произнес он. - На золото, к сожалению, нам пока ничего не указывает. Поэтому от генерала не было по этому делу дано конкретных указаний.

Но поскольку вновь сошлись имена Петрегина и купца Протасова, данные с упоминанием некоей «золотой матери его», то мы поищем и золото. Мы попросили выделить оператора для проработки данного вопроса, и генерал указал на вас, Куртяхин. Он, как и мы все, на вас надеемся!

- Правда? Что ж, это меня радует! – сказал Куртяхин, пока не совсем понимая, за что именно его отделу оказана такая честь. Этим делом могли бы заняться и с десятков других отделов и бюро, без всяких проблем.

Но приказ есть приказ. И его следовало выполнять...

III

СЕКТА КУЛЬТА ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН: КЕПЛЕРИТЫ ПРОТИВ ЗАПАДНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

(Рассказ)

Оператор Куртяхин затребовал сведения по делу сектанта Кориандра Рокова. Прежде всего, поразило, что он состоял членом общества «Побочная дворянская ветвь». Главой династии, следовательно, являлся дворянин с полной фамилией - Широков. В деле о купце и будущем первом золотопромышленнике России Иване Протасове фамилия Широков упоминалась не однажды.

Еще бы: протоинквизитор Санкт-Петербурга, преследующий инакомыслие, староверов-раскольников и всяческих сектантов.

Как ни странно, его потомок Роков стал сектантом, заманивающим в свои сети девочек и девушек.

Правда, он не нарушил девичества ни у одной из своих жертв, и это хоть как-то его оправдывало.

Больше того, шесть лет отбывания наказания в тюрьме он получил не за сектантскую деятельность и не за похищение людей. Те после опросов клялись и божились, что сами, по доброй воле, пришли к нему и проживали в подземелье древнего капища по несколько недель.

А за что Роков убил взбешенного отчима одной из выпущенных на волю девушек?..

Куртяхин изучал дело и узнал, что убитый сектантом Роковым отец девушки много пил, бил свою вторую жену, домогался ее дочери, потом все же ее изнасиловал, заставил молчать и считал уже своей собственностью. Та, ничего не сказав матери, со стыда и отчаяния убежала из дома, попала в секту Рокова.

Ревность отчима, узнавшего у кого его падчерица, заставила его в безудержном гневе ненароком признаться главе секты в своем притязании на девушку.

Роков возмутился. В начавшейся ссоре с Роковым отчим потребовал денег, грозя в противном случае доложить о секте в полицию. И в результате Роков попросту придушил того, кого посчитал большим негодяем, чем был сам.

В деле значилось, - из показаний Рокова, - что он долгое время был поклонником культа защиты женщин секты «Кеплериты», хотя не был женат и не имел любовниц.

В деле подчеркивалось: он божился, что, как и Молокк является стражем и хранителем человеческого генофонда.

И вся его пропаганда базировалась на ненависти к методам инквизиции Запада, уничтожившей десятки тысяч женщин и невинных девушек, даже малолетних детей на кострах; инквизицией уничтожались поселения целых деревень и провинций.

Роков оказался тесно связан с руководителем другой секты «Молот Молокка», которую организовал бывший служащий церкви, диакон Константин Юрьевич Завидяев.

Целью секты Завидяева было разъяснение разницы между бесовским Молохом, сжигающим детей и уничтожавшим женский генофонд, и Молокком - детей сберегающими и женский генофонд сохраняющим.

На иконах, которые создавали члены секты, была изображена непорочная Дева Мария с мечом, восставшая против случаев жестокости к женщинам и детям крестоносцев. Последние из Византии принесли культ Девы Марии, но оказалась здесь некая тонкая и щепетильная подоплека.

Если прежде на первом месте среди библейских женщин в Европе стояла главная грешница Ева, то теперь таковой стала мать Иисуса Христа. От этого женщины, разумеется, очень много получили.

Но в то же время, - как вычитал в одном из блогов Куртяхин, - некоторые кадровые «перемены в церкви привели к началу массового уничтожения женщин».

Далее Куртяхин ознакомился с гипотезой Завидяева: о том, что на разгул бесчинств повлиял гнев Молоха, восставшего против Молокка, и воздействовал внушением на Папу Григория VII, требуя, чтобы тот, в свою очередь, обязал духовенство соблюдать безбрачие. Но этот жестокий руководитель, которого даже один из близких к нему людей назвал «святым сатаной», не достиг успеха.

Полного безбрачия, - ознакомился с материалами дела Куртяхин, - католические отцы достигли лишь спустя пять-семь поколений. И - почти сразу начали жечь женщин. В XVI веке сжигали их сотнями и тысячами за один раз. Чтобы оправдать эти злодеяния в Мадриде вышла книга о том, что Адам и Ева были не только первыми грешниками, но и первыми еретиками, а первым инквизитором был Бог. Костер пылал и под работой мехов политических распрей. Англичанцы жгли протестантов, а те англичанцев.

Примерно в то же время один священник описал следующую ситуацию в крупном европейском городе, в Бонне: «Кажется, вовлечено полгорода: профессора, студенты, пасторы, каноники, викарии и монахи уже арестованы и сожжены... На Рождество Пресвятой Богородицы казнили воспитанницу князя-епископа, девятнадцатилетнюю девушку, известную своей набожностью и благочестием...

Куртяхин особо выделил и следующее: - трех-четырёхлетних детей объявляли любовниками дьявола. Сжигали студентов и мальчиков благородного происхождения девяти-четырнадцати лет».

«Вот он, иной замах Молоха!» - думал Куртяхин. Хотя, может, и надуманный третьей коварной силой – чтобы рассорить еврейский и древне-славянский мир!

Значит, строя свою новую столицу, Санкт-Петербург, великий Петр защищал свой народ не только от военных кампаний западной цивилизации, но и даже от упоминаний их жутких деяний; от того, что можно и – это норма - насиловать и содержать на правах рабов малолетних детей, сжигать их на кострах, опираясь, при этом, на свои, вновь создаваемые, дикие законы... Но, к счастью, такая ситуация перестала устраивать монархов, хотя и не по причине их милосердной сути!

«Если задуматься, - читал Куртяхин, - католическое духовенство служит тому, чье царствие «не от мира сего», то есть это царство душ мертвецов. А любому самодержцу нужны живые люди, которые бы работали, приносили доход, служили в армии. А людей рожают женщины...»

«Западные «демократы» поучают нас, вменяют в преступление сотни тысяч загубленных душ в петровской России, но Петр I, - хотя я не оправдываю его, - все же строил Великую статую Молокка: копить в ней российский генофонд...

Я не оправдываю ни одного из государей, при которых была большая детская смертность, смертность женщин при родах.

Но я не приемлю поучений тех, кто будто нарочно, а, скорее всего, - сознательно и по заказу спецслужб, - губит наших малолетних детей в Америке, сотнями и тысячами, тогда как, например, в Италии, не убили ни одного (из тысяч) усыновленного русского ребенка...

Все это делалось и делается западными спецслужбами для того, чтобы приучить русский мир к мысли, что его детей можно безнаказанно убивать.

И тогда бери русских голыми руками!..

Эти старые, как мир, попытки погубить русский мир и привели к тому, что Бонн станет одной из столиц Германии, а ненасытная жажда власти и убийств слабых и ослабевших перерастет при нацистах Германии в целенаправленное и планомерное уничтожение народов России».

Куртяхин заметил, что сектант Завидяев писал не об СССР, а именно о России, хотя это было не совсем верно. Но он, словно, чувствовал боль этого патриота-сектанта. Боль, рожденную отступничеством от русского мира и русской светлой идеи - жить отдельной евразийской цивилизацией, включая вчерашних народов - «младших братьев».

Они оказались во власти одурманивающего дыхания проснувшегося в недрах неведомых лабиринтов «упрямого жестокого Молоха», взятого на вооружение третьей силой.

Одурманенным этой силой в самой России, древнеславянский Молокк всем этим братьям стал уже неуютен: он постоянно в раздвоении – делать добро или не делать его.

И потому иным уже ближе Молох, раздвоение которого теснится в рамках: сделать жестоко или очень жестоко! И он может заставить даже среди ночи поднять людей и заставить их бросать бомбы в окна своих спящих соседей!..

Да, так поступают все, одурманенные таким Молохом, решившие, что чем жить в шатком мире, лучше уж - в условиях войны, когда она поддержана их «великим идиолом»...

Но, к счастью, чтобы противостоять любой злой силе, в русской жизни всегда имелась и своя особая сила, переданная от предков, укрепленная тылом их верных соседей...

Очнувшись от краткого отступления идеолога секты «Молот Молокка» Завидяева, перекочевавшего в его собственные думы, Куртяхин искал аналогичные секты.

Он нашел их еще целый ряд, но кратко остановился лишь на одной, уже промелькнувшей в пакете изучаемой информации - секте «Кеплериты».

Она защищала незаслуженно обиженных матерей, была создана в память о страданиях матери астронома Иоганна Кеплера Катарине, обвиненной в 1615 году в колдовстве и умершей через год после снятия обвинений.

Пока шли разбирательства, спустя три года, ее сын сформулировал Третий закон Кеплера, гласящий, что отношение куба среднего удаления планеты от Солнца к квадрату периода обращения ее вокруг Солнца есть величина постоянная для всех планет.

И «кеплериты», подчеркнула система жирно, вели поиски методов влияния постоянных величин силы духа Молокка по отношению к величине постоянства любви в мировом пространстве для сохранения жизни на Земле.

Безотчетно, Куртяхин искал изображение гениального астронома, и перед ним возник портрет человека, держащего в правой руке циркуль, а в левой какой-то продолговатый брусок, упирившийся, словно, под его ровную окладистую бородку, лежащую на толстом ажурном жабо. Он будто смотрел за правое плечо художника, рисовавшего его, и Куртяхин невольно оглянулся.

Взгляд его, пронизав пространство кабинета, уперся точно в окно.

День был солнечным, в окно снаружи падало много света. Но ему показалось, что в окне отразилась фигура бородатого человека, как если бы за окном была темень. Фигура, завидев, что ее заметили, быстро растаяла в воздухе...

Куртяхин поежился и вновь устремил взор в монитор, но тут же опять задумался.

Учитывая, что эти секции, и «Молот Молокка», и «Кеплериты», были созданы недавно, Куртяхин сделал свой вывод: они стали ответом на новые вызовы западной цивилизации по быстрому «возрождению» одурманивания России.

Целью запада становилось - коренным образом подменить ценности русского мира, в очередной раз нанести ему катастрофический удар.

Создание подобных секций, - и Куртяхин вдруг почти физически почувствовал, что их отныне будет больше и больше, - становилось ответом на начавшиеся обвинения России в том, что она, якобы, не осуждает свои жестокие методы в прошлом, не желает принять «гуманные ценности» «просвещенной Европы».

Но ведь так никто и не потребовал разбирательства преступлений католических отцов во время инквизиции! И разве кто-либо поставил памятные камни с именами этих жертв необоснованных адских репрессий? – подумал он.

«Даже celibat, то есть соблюдение обязательного безбрачия на западе не отменили... - читал Куртяхин у «кеплеритов». – Принудительное безбрачие не может не повлиять на психику западноевропейского мужчины. И его постепенное отдаление от женщины и приближение к своему полу в браке рано или поздно приведет к новому взрыву ненависти к противоположному полу – и инквизиции новейшего времени неизбежны. Если в XV веке папа Иннокентий VIII даже издал специальную буллу, лицемерно озаглавленную «Всеми силами души» и популярно объясняющую, почему ведьмы подлежат истреблению, и если в XVII веке вышел трактат «Молот ведьм», содержащий подробную инструкцию по борьбе с колдуньями, то в XXI веке, - писал лидер «кеплеритов», делая сноску на своего единомышленника, - то такие инструкции появятся не только от имени могущественных сект западных цивилизаций, но неизбежно - и от имени неизвестных пришельцев, сеющих в умах людей раздор, чтобы все они, на всех континентах, попривыкли к нему. К этому пришельцу.

И потом все человечество можно будет взять голыми руками».

IV

СЛЕЗА ПРОЗРЕНИЯ БЕДНОГО ДИТЯ: НУЖНА ГИГАНТСКАЯ МЕТАМОРФОЗА! ПОПЫТКА ХАРАКИРИ ШИЗОФРЕНИКА

(Мини-повесть)

В следственно-оперативном отделе «Сократ» все были взбудоражены сообщением, что в полицию Санкт-Петербурга обратилась некая Алевтина Юрьевна Белоцерковская, у которой не доехали до дома, погостив у бабушки с дедушкой, двойняшки: девочка и мальчик, по двенадцати лет отроду.

Вместе с тем компьютерная система мгновенно отыскала среди подозреваемых однофамильца подавшей заявление, оказавшегося специалистом по секретным объектам: высотным сооружениям и подземным железобетонным коммуникациям, Андроном Юлиановичем Белоцерковским.

Майор Сбарский докладывал:

- Накануне Белоцерковский был задержан за кражу детей, и после обследования всех весьма странных обстоятельств он был помещен в психиатрическую клинику. У него признали «амстердамский синдром», проявлявшийся в неудержимом желании защитить детей от опасности. Но может он симулировал. Бывший специалист по бомбоубежищам, в своей квартире в центре Москвы, перешедшей ему от умерших родителей, Белоцерковский оборудовал для сокрытия целой группы детей отдельные комнаты.

Всего в них было помещено восемь похищенных им соседских девочек в возрасте от восьми до двенадцати лет. Всем им внушалось, что они участвуют в эксперименте подготовки полета на Марс, сроком на два-три месяца. Каждый день они должны были вносить записи о пережитых ощущениях в свои индивидуальные «Дневники мыслей».

Полиция сбилась с ног, разыскивая их. И трудно представить, что случилось бы с бедными родителями, если бы эти дети не писали родителям письма с Марса. Помог случай.

Белоцерковский отправлял по письму от каждого ребенка в их семьи раз в неделю. В день похищения родители получали открытки с уверениями, что дети будут возвращены, как только он, похититель, тщательно проверит подноготную родителей: нет ли среди них с раздвоенностью Молокка. Для всех родителей это выглядело вопросом: как нет ли среди них страдающих шизофренией.

- Сами понимаете, - продолжал Сбарский, - что испытывали родители, получавшие эти сообщения?!

- Пока садитесь, - в раздумье сказал Халтурин, упершись взором в стол и не заметив, что майор, всегда предупредительный, как автомат, сейчас выполнил эту команду заранее. Последовала полуминутная пауза.

- Разрешите? – спросила и поднялась, прекращая затянувшуюся паузу, невысокая, но очень стройная миловидная женщина с аккуратной стрижкой светло-русых волос. Она имела крупные, ярко вычерченные, хотя и не напояженные, губы, будто посаженные с выцветшей старинной рождественской открытки на точеное, сделанное по модели куклы Барби, ее лицо. Когда она открыла рот, то показала два ряда красивых ухоженных зубов.

- Да, поясните-ка нам, что это такое, капитан Удальцова, - сказал Халтурин, не поднимая глаз от свои кулаков.

- Поясню для не ведающих о вышеупомянутом «амстердамском синдроме» - то есть той болезни, которую подозревают у задержанного Белоцерковского, - сказала она. – Во время войны некоторая часть жителей Амстердама прятала еврейских детей от расправы со стороны нацистов, не смотря на смертельную угрозу разоблачения милосердных амстердамцев с Богом в душе.

Теперь, что касается «Дневников мыслей» девочек.

Спасаясь от немцев, в середине тридцатых годов эмигрировала в Нидерланды из фашистской Германии семья Франк. В сорок втором здесь семье пришлось переселиться в убежище, под прикрытием работников фабрики по выработке джемов, поскольку эту фабрику ранее глава того скрывающегося семейства и возглавлял. Семья прожила в убежище больше двух лет, пока ее кто-то не выдал. Почти все обитатели убежища, что в дословном переводе с нидерландского означает «задний дом», сгинули в концлагерях.

Так вот, остался дневник погибшей в пятнадцать лет девочки, Анны, и он уже давно стал для человечества чем-то нарицательным. Есть, как бы, понятие: «Дневник мыслей Анны» Таковы данные... Укрывающихся в той задней части дома было восемь человек, - продолжала Удальцова. - Анна писала: как все обычные люди они радовались мелочам, мечтам о том, как заживут после войны, когда все в мире поймут, что ошиблись в них, евреях, называя их врагами. Они в своем тесном кругу ссорились и мирились, страдали от голода и простуд, помогали друг другу...

Илья Эренбург написал в своем предисловии к одной известной книге через пятнадцать лет после окончания войны, что за шесть миллионов евреев сказал один голос – и голос не мудреца и не поэта, а обыкновенной девочки. А ее дневник, как я сказала, превратился в человеческий документ большой значимости и - в обвинительный акт...

- Вот, можете посмотреть видео версию событий, - сказала докладчица, взяв пульт, включив экран и направив на него лазерную указку. - Вот, вы видите, сохранился шкаф, за которым находилась потайная дверь в убежище... Кто выдал эту семью, доподлинно неизвестно. Все позже попавшие под подозрение сумели оправдаться.

Однако нами найдено свидетельство, как некто Ханс Диц, служивший на том предприятии джемов, - вот он, на экране, - сам свидетельствовал, что однажды приметил в том книжном шкафу, служившем также ширмой, - книгу с названием «Раздвоение Молоха». Потом ему как-то пришла мысль ее почитать. Но, вдруг, он не обнаружил той книги на месте.

И вот тогда он заставил хозяев дома перерыть весь дом, пока сам не заметил под шкафом щель скрытой двери и не нашел прятавшуюся там семью.

Оказывается, книгу взял отец Анны или кто-то другой из взрослых. Отец, кстати, единственный, пройдя и муки концлагеря, остался в живых, он дожил до глубокой старости и много сделал для увековечения памяти дочери и изданию ее дневника на разных языках.

Сектанты ему же приписывают якобы осуществившуюся встречу с Молохом. Отец Анны умолял Молоха помочь повернуть его в прошлое и обменять его жизнь на жизнь дочери, но Молоху оказалась ценнее жертва детей.

На вопрос несчастного отца: «За что им такое наказание?», Молох ответил:

- Ты же читал обо мне! В людях богами изначально заложена тяга к созерцанию казни, чтобы они могли совершать жертвоприношения; душа человека - это топливо для духа Молоха...

Сама Анна же, в частности, пишет в своем дневнике: «Я не верю, что в войне виноваты только высокие чины, правительства и капиталисты. О, нет, обычные люди тоже участвуют в ней добровольно, иначе народы уже давно восстали бы! Просто в людях живет стремление к жестокости, уничтожению, убийству. И пока со всем человечеством не произойдет гигантская метаморфоза, войны будут продолжаться и люди будут уничтожать все выращенное, созданное и построенное, чтобы потом снова начать сначала!»

- Я бы подписалась под каждой ее буквой! – сказала Лимончикова.

- Я тоже, прямо сейчас! – сказал Сбарский. Ей Богу, создается такое впечатление, товарищ полковник!

- Успокойся, майор, послушаем докладчика. Продолжай, капитан!

Удальцова продолжила:

- Бедной Анне так хотелось, чтобы в ней увидели бы лишь только девочку, которой так хочется свободы и радости, а не что-то другое, неуютное... Но, быть может, и она успела прочитать не только о «раздвоении Молоха», но кто без жажды пожирания детей есть уже - Молокк?! И тогда эти ее слова, внушающие безысходность, - слова Молоха, а слова надежды на перерождение – слова Молокка.

Далее... Имеются строки, приписываемые уже девятидесятилетнему отцу Анны о книге «Раздвоение Молоха», где он, будто в унисон мыслям дочери, рассуждает о том, что европейская цивилизация, под воздействием неких сил, распространяющих вирус раздвоения личности, уже много веков подряд неосознанно стремится решить неразрешимую дилемму: переплыть океан проблем, сидя одновременно на двух быках.

Приводится пример, как Зевс, превратившись в быка, перевозит на себе по морю похищенную Европу. А Европа хочет превзойти Зевса: пытается обладать способностью превращаться одновременно в двух быков: злых и добрых, а также соединить то и другое в одну благодетель, называя ее «западной демократией».

- Любопытно, что у Белоцерковского, содержавшего пленных, то есть похищенных девочек, также найдена эта книга, - сказал Халтурин. – Вероятно, та же самая, злосчастная книга, которую искал и не нашел чудовище Ханс Диц.

- Книга хранилась в доме Белоцерковского рядом с книгой, которую он написал по проблемам устройства бомбоубежищ еще в конце семидесятых годов, то есть почти тридцать пять лет назад.

Позже он написал весьма загадочные статьи о разрушении Берлинской стены, утверждая, что взамен ее необходима Великая европейская стена, наподобие китайской, которая должна отделить Восток от Запада - на время, пока там не исчезнет синдром «Раздвоения молоха».

Согласно его теории, Китайская стена строилась именно с этой целью - цитирую: «против добрых соседей, которых поразила страшная болезнь раздвоения пустотелого трехглавого дракона с двумя бычьими головами».

Возьмем аналогию: пустотелый молох с бычьей головой.

«Пустотелость», - пишет, однако, наш профессор Самуил Петрегин, - не всегда служит для пожирания детей, а, например, в Молокке, - чтобы провести их сквозь очистительный огонь и спрятать в своем чреве от безумцев».

- Но, - вздохнула Удальцова, - в данном случае, рассматривая преступление Белоцерковского, как бы ни казалась ему его цель спасительной для людей, мы видим, как его самого постигла участь безумца. Болезнь его тяжела.

- Как же этого шизофреника разоблачили, поясните, наконец? – попросила Лимончикова.

- Пожалуйста! К счастью, одна из девочек сумела передать родителям зашифрованное письмо еще до того, как у него вдруг начались жесточайшие приступы шизофрении.

Полиция вскрыла квартиру в тот момент, когда на глазах у перепуганных пленниц он начал вспарывать себе живот, чтобы извлечь внутренности и спрятать девочек в своем опустошенном теле...

V

ЛУЧИК СВЕТА У ПЛЕННИЦЫ.

КОЛОКОЛЬНЯ «ГРЕЧЕСКОГО ДОМА»: СЛЕД

(Рассказ)

- Теперь важно отметить, - говорила капитан Удальцова, что было в письме, отправленном родителям одной из похищенных девочек, спасшей себя и своих подружек по несчастью. Она описала то, что сумела разглядеть в небольшое отверстие в окне, покрашенном снаружи. За окном в краске образовался пузырь, и затем, разохшись, он осыпался маленькими чешуйками.

То, что она увидела - это был тонкий золотистый лучик, словно, лучик лазера, который исходил из неизвестной ей далекой точки, иногда казавшейся ей восходом солнца, поверх которого плыл в синем море парусный корабль.

Лучик был неустойчивым, постоянно колебался, но упирался чуть ли не в то самое окошко их комнаты-тюрьмы.

Белоцерковский, когда, испугавшись, увидел, что его пленницы разглядывают этот лучик, внушил им, что, поскольку они команда для запуска на Марс, то это луч света от Марса, и что когда он станет ярче, они увидят золотой шар и золотой корабль, на котором приплывут обратно...

К счастью, в полиции какому-то аналитику пришла идея просмотреть пространство вокруг шпиля Адмиралтейства, нет ли там невидимых лучей? И они были обнаружены! Один луч упирался прямо в стену этой тайной квартиры Белоцерковского.

Позже выяснилось, что этот строитель высоток и подземелий за свои былые заслуги добился права надстроить пол-этажа на одном из жилых зданий в историческом районе, недалеко от Мойки, под условие реставрации старого здания, что он и выполнил, даже укрепив в нем фундамент... Но шизофрения его развивалась, по-видимому, давно. Есть данные, что будучи в Испании на форуме архитекторов, однажды он был приглашен испанскими коллегами на корриду. Но там он вдруг выскочил на арену, выхватил у тореадора красную тряпку и холодное оружие. И при этом он умудрился не только выжить, но и проткнуть быку голову, после чего тот пал замертво – не поверите - от одного ловкого и точного удара.

Белоцерковского схватили, он стал уверять, что он, убив быка, тем самым вызволил из заточения в Гернике - в разрушенном во время войны испанском городе - каких-то детей; его привезли в больницу, но, очнувшись на другое утро, он ничего из вчерашних событий не вспомнил.

- Дело ясное, - сказала старший лейтенант Лимончикова, - у него помешательство на почве страха перед Молохом, ведь тот имеет голову тельца!

- Если все это не совершается им для отвода глаз, - сказал майор Сбарский. Это - страх перед славянским Молоком!

- Может быть, - сказал Халтурин. - Спасибо, капитан, - поблагодарил он Удальцову и жестом усадил на стул. Она поправила короткую юбку, безуспешно попытавшись прикрыть точеные оголенные колени, и положила на них руки.

- Майор Сбарский, ты, я вижу, хочешь что-то добавить?..

2

Запись проведенного совещания тут же легла на стол подключенному к расследованию убийства у памятника древнего славянского бога Молокка начальника отдела «Альтруист» Ильи Куртяхина.

Просмотрев ее, он покачал головой, и задумался над тем, что говорил на совещании майор Сбарский.

«Думаю, свое шоу шизофренией Белоцерковский периодически устраивает для отвода глаз, - сделал заключение он». Потом стал это обосновывать:

«Что-то не вяжется его болезнь с тем, что в промежутках между столь серьезными приступами он берет под защиту старинный особнячок, добивается надстройки на нем этажа, быть может, доказывая, что этот этаж там когда-то имелся, подделывает чертежи, и, получив разрешение, сооружает надстройку и поселяется именно там!..»

Велико же было удивление Куртяхина, когда он, запросив всевозможные данные, в том числе протоколы собраний и совещаний в архитектурном ведомстве, где успел поработать Белоцерковский, нашел свидетельство обвинения Белоцерковского его же коллегами в том, что он, - значилось в материалах протокола, - «должно быть, скрывает от института факт приобретения у неизвестного поставщика старинных карт, планов, проектов и чертежей Санкт-Петербурга, а также эскиз «Греческого дома» Вишховиди.

Куртяхину не составило труда установить кому принадлежал этот дом: греческой семье, бывшей на службе у царей и императоров Романовых, - Вишховиди, которые за преданность Российским интересам, в том числе в качестве исполнителей тайных поручений, получили фамилию Вишховатые.

В ведомстве «Кашалотов» уже имелась информация и о том, что Мокей Вишховатый был тайным доверенным лицом Петра I и мог быть тайным хранителем его сокровищ.

При этом сразу же была выделена информация о том, что дом Мокея Вишховатого, названного «греческим домом» за поставки этим купцом греческих вин императорскому двору – был подарен ему самим императором. А позже был продан купцу Прову Протасову, от которого перешел к его сыну Ивану - впоследствии первому золотопромышленнику России.

Этой информации Куртяхин не удивился, потому что все, что было связано с биографией семьи Протасовых, как и Вишховатых, было наполнено глубочайшими тайнами.

- Итак, сказал себе Куртяхин, возвращаясь к Белоцерковскому, - он симулирует болезнь, а сам находит огромные деньги, и, скрывая подлинный, старый, первоначальный архитектурный проект особнячка, надстраивает там что-то наподобие башенки или звонницы с колоколом.

И он делает это, словно, нарочно для того, чтобы перекрыть полет неведомого луча... Необходимо срочно найти этот проект. Возможно, там первоначально и стояла какая-нибудь секретная башенка, а возможно и со звонницей.

Там висели небольшие колокола, при их раскачивании сообразно определенному ритму звона, луч мог то упереться в них, то пролетать мимо, в некое пространство или точку, где могла фиксироваться полученная информация этой своеобразной «азбуки Морзе» средних веков!..

Возможно также и то, - произнес про себя, осененный мыслью Куртяхин, что скользящий вдоль колоколов луч усиливался резонансом колокольного звона и служил своеобразным энергетическим «вампиром» средневековья!..

- А что - это весьма оригинально! – сказал он вслух. – Только... криминал криминалом, однако мне нужно выйти на золото для того, чтобы ведомство генерала Бреева «Три кашалота» для начала выполнило свой план п драгметаллу!

Хорошо, если бы Белоцерковский имел сокровища!

Но как же не имел?!

Если не имел, то откуда тогда черпал денежки на все про все? Кто знает, может, в своем «греческом доме» он и ищет ключ к тем сокровищам, которые ему доверял Петр I?

Обрадованный тем, что нащупал новый след, Куртяхин составил краткий отчет наблюдений.

Его он в качестве дополнительных, - и, может, для кого-то важных, - данных отправил всем более или менее вовлеченным в проблему респондентам ведомства «Кашалотов».

Потом он подумал и добавил к своим прежним мыслям:

- А, может, - наоборот, - размышлял он, - Белоцерковский перекрывал доступ достоверной информации тем, кто хочет добраться до этих «свих» неведомых сокровищ?

Да, но при чем здесь дети?..

Поразмыслив дальше, он пришел к выводу, что время от времени против Белоцерковского восстают добрые силы, возможно, - и служащие самому Молокку, которые, направляя свои спасительные лучи сквозь строй колокольного звона, передает людям сигнал:

«Берегите детей!»...

«Нет, это сомнительно. Тут явно что-то злодейское!...»

VI

ТАЙНЫ ТРАКТИРЩИКА ДАВИДА О ЗЛАТОУСТЕ, МОЛОККЕ И ЦАРЕ-«АНТИХРИСТЕ»

(Рассказ)

1

Иван, не будучи дворянином, а лишь купцом, имел учебную шпагу, правда дорогую, украшенную серебром и достаточно крепкую, чтобы драться. Но для того, чтобы продолжить обучение фехтованию, он купил еще одну.

И в тайне ото всех, вдвоем с его новым другом Лукой, не имеющем на свете близких родственников и проживавшем у Ивана в торговой лавке, они упражнялись в фехтовании, словно, готовясь к войне.

Умный и расторопный Лука, которому Иван доверил управление лавкой, торговал в ней без особого энтузиазма, но зато Иван получил больше свободного времени.

Он приходил в старый сектантский квартал в районе Замаранихи, стучал в дом к той, с которой довелось побеседовать только раз и которая с тех пор, как заколдованная, будто испарилась.

Соседи либо ничего не знали о ней, либо с подозрением отваживали его.

И все же вот уже несколько недель кряду Иван караулил девушку на углу квартала, как раз на перекрестке шести дорог, возле трактира и гостиницы «Медведь и Росомаха».

Порой он спрашивал у людей не может ли кто-нибудь хоть что-то сказать о том, где может быть семья главы старообрядческой секты Кореня Молоканова, его дочь Лизавета? Но никто ничего обнадеживающего ему сказать не мог.

В трактире он старался эту тему не поднимать.

Подвыпившие завсегдатаи и новички, только заходила речь о раскольниках и кержаках, начинали страдать: что должно быть пропавшие покончили жизнь самосожжением, либо же их заключили в Петропавловскую крепость, а то и - попросту выслали в Присибирье.

Однажды хозяин, подойдя к Ивану, как всегда отдавая ему предпочтение перед другими за щедрость, сказал:

- Вы всегда платите мне монету и всегда отказываетесь от сдачи. И я видел вас в своем номере вместе с очень влиятельным господином. Глаз у меня наметан, и я чувствую, что он барон или граф! Это большая честь для меня. Расположение таких господ к моему заведению в этом квартале, где не слишком-то чествуют бедную еврейскую семью, вселяет в меня уверенность, что рано или поздно мы с моей росомхой разбогатеем и поможем детям.

Иван дружелюбно пригласил хозяина сесть за его стол, и тот быстро пристроился напротив.

Понизив голос и качая головой, он посетовал:

- А ведь в лучшие времена я дружил с самим Мокеем! – И он поднял палец. – Да, когда-то мы торговали с ним в Афинах и в Константинополе! Да, да! Представьте себе, мы дружили семьями, и мы были счастливы, наблюдая за нашими детьми. И вот он по-прежнему торгует вином, которое льется на пирах императора, а я наливаю водку в оловянные и деревянные кружки пьяни в этом своем трактире.

Кому что! Кому арбуз, а кому арбузная корка! Да, да!

И его даже самый нерадивый сын Соломон, который посещает танцы в Замаранихе, скрывая там свое происхождение, - и тот умеет торговать!

Да, да! И он еще прославит свое имя! И проживет на широкую ногу. А кто он есть? А?! Да всего-то испорченный тягой к женским юбкам мальчишка! – выговаривал Давид, явно в душе восхищаясь сыном Мокея.

- Это какой Соломон? Высокий и грузный, как Самсон? Я его знаю! – воскликнул Иван, удивленный принадлежностью к дому Вишховатых того, кому он однажды чуть не побил в кулачной стычке с его друзьями: как раз заступаясь за Луку.

С Лукой после того случая они подружились; но это произошло после того, как еще раз встретились здесь, с в этом трактире, когда Иван пожалел выпившего голодного Луку и предложил ему отобедать вместе с собой.

Соломон пытался приударить за Наталкой Осетровой, но та предпочла Луку. И теперь Лука мечтал о свадьбе.

Вот только отец ее, бывший посланником императора в восточных землях Российской империи и заключавший союзы с башкирскими старшинами у Каменного пояса и в Присибирие, мог получить титул графа. Это делало Луку в глазах осетровых вовсе ничтожным.

- Ну-у, если этого шалопая знают такие люди, как вы, господин Протасов, тогда я, пожалуй, изменю о Соломоне свое мнение!.. Ишь, взял привычку – гулять! А работа?!..

- Вы упомянули и о своих детях. Где они? – перебил хозяина трактира Иван.

- Двое моих сыновей - военные, и служат они очень далеко, в Сибири. Но именно по этой причине, а не потому, что водил дружбу с самим Вишховатым, я получил разрешение торговать в этом квартале Замаранихи! – стал объяснять хозяин почти шепотом. Слова его заглушал гул подвыпивших постояльцев за соседними столами. Но под этот шум можно было говорить, сколько душе угодно. - А здесь очень мало богатых людей. Здесь за большими заборами льют пушки и, я слышал, уже строят новые химические лаборатории. А также... - он совсем понизил голос, привставая и перегибаясь через стол, - и зеркальные лабиринты!..

- Да вы присядьте лучше рядом, вот здесь, мой любезный хозяин, - тут же предложил Иван, отодвигаясь на лавке.

Увидев, что Иван приглашает его занять место рядом с собой, владелец заведения отрицательно покачал головой, затем оглянулся, сделал позу, словно собрался заслонить плечом роняемые им слова и, понизив голос до шепота, приближая лицо с толстыми губами, сообщил:

– Говорят, что царь решил разделять бракованную бронзу на медь и золото и с помощью философского камня построить себе на Невской перспективной дороге большой золотой памятник. Главный литейщик, граф Томов, - а ведь это он был в тот день вместе с вами в моей укромной мансарде? - уже представил царю эскиз. Да, да! Из чистого золота! И уже обозначено место! Я лично ездил смотреть. И скажу вам: это меня одновременно и обеспокоило, и обрадовало. О-о, я умею наблюдать и делать выводы!

- Да, глаза у вас зоркие. Но вы ведь никому больше не рассказываете о таких вещах?

- Что вы! – отклонился, выгибая спину назад и протягивая две крупные ладони навстречу, трактирщик. – Будьте спокойны, я умею хранить тайны. И потому обращаюсь к вам: если вам надо кому-то довериться – я готов вам послужить! Сейчас такое время, что на одной торговле я много не заработаю!

- Хорошо, я вас понял. Вы уже убедились, что за хранение тайн мы платим больше, чем просто за аренду номеров, не так ли?

- О, да!

- И при случае мы опять воспользуемся вашей добротой. Но сейчас вы не будете ли так любезны, чтобы рассказать: почему сообщение об установке памятника императору вас не только обрадовало, но и обеспокоило?

- Ну, конечно!.. Так вот... - Он приблизился, но не сел рядом, где уже было предложено, а встал сбоку и склонился; и он пояснил: - Говорят, Невский и все его улицы по другую сторону от Невы – это как два зеркала! Да, да! Что происходит на одном конце - примерно, то же самое происходит и на другом!

- Я тоже слышал об этом. И тому уже много доказательств. Так, значит, вы вывели, что и ваш участок в зоне этого зеркального отражения?

- Я рад, что мне не приходится вам это долго объяснять!

- Так что же находится на той стороне, где могла бы стоять ваша гостиница-близняшка? Ведь вы уже мысленно проделали тот путь?

- Говорю вам, золотой памятник Петру!

- Вот оно что!.. Так это же вам на руку!

- Вот почему я трактую этот факт и так, и эдак. С одной стороны, мой дом могут снести, чтобы поставить памятник, например, князю Меншикову, тому же графу Томову или, скажем, помощнику протоинквизитора Широкому, если эту мысль подскажет его племянник. Вы его знаете, он у меня тоже снимает номера. Правда, после того, как вы месяц тому назад защитили здесь, неподалеку от гостиницы, девушку, поручик не появлялся, и я уже думал, что он навсегда оставил меня. Но!.. – Давид наклонился ниже и прошептал: - Сегодня он вновь появился и занял верхний номер! Уж мне-то поверьте!

- Вы это серьезно? – спросил, едва удержав себя, чтобы не вскочить, Иван.

- Вполне, сударь. И он - в мансарде. Не сомневайтесь, я это хорошо запомнил хотя бы потому, что мне заплачено за два дня вперед. А, кроме того, я сам проводил его наверх. Эх, если бы все были таким, как вы или этот мой юный посетитель, что платит вперед!.. Честно сказать, мне жалко, что вы - во вражде! Как бы славно вы сейчас покутили!

- Оставим это! – сказал Иван и, заметив, что за их разговором издали наблюдают двое сидящие за столиком в углу и в тени, громко спросил:

- Но ведь остается еще надежда, что ваш дом оставят в покое?

- Ах, вы об этом! Вы так добры!.. Я подумал, что если где-то, на той стороне встанет золотой император, крыша моего дома однажды вдруг тоже покроется золотом, или хотя бы серебром! И тогда я смогу пойти к своему прежнему другу и обратиться к нему, как вы ко мне: «Любезный Давид...» То есть ему-то я скажу - «Любезный Мокей!» «Вот, - скажу, и вновь сошлись наши пути, как бы тщетно ты меня не избегал! Ты зазнался! Теперь я торгую золотой и серебряной кровлей, которой покрывают дворцы императору! Сможешь ли ты теперь вернуть нашу былую дружбу, в то время, когда твой сын Соломон, однажды заглянув в мой трактир, даже не оставил мне чаевых!?»

Вот что я сказал бы своему старому другу Давиду!

Иван рассмеялся. Но ум его уже лихорадочно работал над тем, как теперь заставить Бецкого врасплох за его новой попыткой соблазнить Елизавету. Этот хищник, видно, решил осуществить ранее задуманное: встретить Елизавету, и насильно увезти в коляске. И это должно свершиться не сегодня, так завтра. Бецкий, вероятно, получил достоверные сведения, что сегодня Молокановы вернутся домой.

- Значит, Соломон тоже побывал у вас?

- Да, и я обслуживал его, как слуга, хотя в детстве он сидел на моих плечах!

- И вы не напомнили ему об этом?

- Что вы?! Зачем мне было портить праздник молодому человеку. И притом, он заходил не один, а с очаровательными девушками. Первый раз с Василисой Видаловой, а другой раз с Настасьей Костроминой. И я им предоставлял хорошие укромный номера, уж поверьте!

Ивану стало немного не по себе. Он тоже месяц назад утешился любовью с Василисой, познакомившись с ней там же, где и Соломон, а именно на танцевальной купеческой площадке в Замаранихе; а затем он навсегда оставил ее. Ивану, конечно, не просто было забыть эту красивую, ладную, сильную и влюбчивую девушку, приехавшую с разбогатевшим в Цильминске отцом в столицу - в Санкт-Петербург. Именно в тот день, когда он проводил Василису, он встретил и Лизавету: здесь, недалеко от трактира. Но, судя по всему, Василиса не набрасывалась на первого встречного, а лишь на того, кто был влиятелен и богат.

- Я верю, что в вашем номере все они обрели, быть может, счастье. Вы предобрейший человек! – сказал Иван.

Хозяин, довольный, что ему удалось отплатить за доброе отношение важным сообщением и веселым рассказом, направился обслуживать сидевших в дальнем углу молодых, глядевших на всех вокруг с презрением.

«Я уже отправил двоих из слуг Бецкого на тот свет, этого вы, пожалуй, не знаете, - подумал Иван, поглядывая на этих двоих, - иначе бы вы глядели на меня с уважением!»

Бецкому, когда тот напал на Ивана со своими людьми, помог спастись будто с небес свалившийся священник, и уж конечно Бецкий никому не рассказал, что потерпел поражение от купца, над которым насмехался, да еще с двумя своими солдатами. Иван не знал, что один из солдат, оставшийся в живых, получив не опасную рану, был сейчас с Бецким в мансарде.

Через несколько минут трактирщик, он же хозяин гостиницы, Давид вновь появился у стола Ивана.

Иван расплатился, хотя не намерен был тут же покинуть заведение.

- Вот вам, любезный, - сказал он, положив серебряную монету. – Не забудьте: вы предложили мне свои услуги.

- Можете на этот счет быть спокойными. Всегда, всегда к вашим услугам, сударь. Трактир хорош, когда у него есть завсегдатаи, а когда у него есть постояльцы, как вы, он, можно сказать, процветает, - сказал Давид намеренно громко. Затем трактирщик взял монету, спрятал ее в кармане жилетки и шепотом добавил:

– Больше того, я открою вам еще один секрет. В пятницу я открою еще три комнатки в мансарде, и лучшую я готов уступить вам. И тогда вы можете занять там наблюдательный пост, чтобы высмотреть свою красавицу, практически не вставая с кровати.

- А, вы это заметили, добрый хозяин?

- Не надо быть прозорливым, чтобы увидеть, как страдает влюбленный. Правда, эти страдания у всех проявляются по-разному, - и он кивнул вверх. – Боюсь, - вновь понизил он голос, - как бы вы оба опять не домогались одной и той же особы. По чести-то сказать, я не доверяю господину Бецкому, и если моя догадка верна, то я очень желаю чтобы первым бедную девушку увидели именно вы.

- Вот вам и за верность, дружище, сказал Иван и положил на стол золотую монетку.

Трактирщик раскрыл рот и положил обе ладони на стол.

- Я в вас не ошибся! – выдохнул он. – Не-ет, Мокей, пожалуй, еще сам попросится ко мне в услужение, когда однажды к нему потеряют интерес такие богатые господа... Не даром я посылаю свои молитвы Господу по три раза в день!.. Хотелось бы больше, но!.. – он поднял палец, прикрыв веки и, словно, раздумывая: признаться ли в каком-то своем секрете? Но Давид решил довериться Ивану.

- Раз вы так любезны, господин, - заговорил он вдруг опять же шепотом, - я откроюсь в том, что, может, и вам откроет глаза на некоторые загадочные вещи!

- Что ж, это очень любезно с вашей стороны, - сказал Иван, прислушиваясь к тому, что происходило наверху. Но там пока все оставалось спокойно.

- Я посылаю молитвы, и, не скрою, мысленно делаю это все чаще. Но только мысленно! Я, по чести говоря, сударь, начинаю сомневаться: не повредит ли это моей голове?

- Что вы имеете в виду, я не понимаю, спросил, пожав плечами и улыбнувшись, Иван.

- Внутренний голос! С каждым разом я слышу его все отчетливее. И если уж говорить всю правду, так мне мерещится: будто это влияние того памятника. Мне даже приснился сон: этот памятник пуст, и в его животе плачут мои бедные внуки!.. Но они не протягивают ко мне рук, а смиренно шепчут сами с собой, словно продолжая беседы, которые они вели раньше, сидя у меня на коленях...

- А вы что сами вы думаете об этом, дорогой хозяин?

- Мои беспокойства вызывают во мне страх гибели! - Вот что я думаю обо всем этом. И потому чаще, но мысленно, только мысленно, разговариваю с богом! И притом только одно по-настоящему беспокоит меня...

- Что же? Не стесняйтесь! Вы мне итак все выложили!

- Что уже и Господь стал беседовать со мной. Вот что!

- О! Это уже действительно опасно. Вам надо отдохнуть и попить хорошего вина из лучших закутков своего погребочка. Я уверен, что и такие у вас найдутся.

- Да, такие закутки есть! И Господь беседовал со мной, - сказал, опустив руки, трактирщик, но решив пропустить мимо ушей совет постояльца отдохнуть, может, потому, что этот совет шел вразрез с понятиями об экономии. - А я, и без того грешник – порой допускал мысль, что Господа нет.

- Да, это серьезный промах. И, видно, ваш серьезный недуг! - поддержал скорбь хозяина Иван. И все же истоки его мне до конца не ясны. Поясните, пожалуйста. У меня, кажется, еще есть время, - сказал он, не спуская взора с двух слуг Бецкого, которые постоянно поглядывали в маленькое смотровое окошко, имевшееся в углу.

- Как не быть ему, этому недугу, когда, - почти приблизил Давид губы к уху Ивана, - ходят слухи: не Иоанн ли Златоуст наш император Петр?!

- А-а! И ты не веришь этому, а потому говоришь об этом шепотом?

- Нет, нет, как не уверовать? Иоанн-то ведь тоже юношей учился у лучших философов и риториков. Способствовала успешному постижению его знаний и ярко выраженная им природная одаренность, как ученика, и как учителя! Также и Петр! Правда, государь наш не был монахом и не удалялся от мирской жизни, чтобы долго жить в уединенной обители. И как этот первый князь апостолов, он не переселялся в пещеру, чтобы там получить новое знание об Истине; и Петр не принял сан диакона, чтобы впредь быть рукоположенным в антиохийские священники!..

- Какой вы набожный человек, вот не ожидал! – искренне удивился Иван.

- Да, и я, можно сказать, давно уже примерный христианин!

- Так почему же тогда наш государь, если не познал истин, - по-вашему - Златоуст? – спросил Иван, смеясь и оглядываясь, не подслушивает ли кто-нибудь рядом. Но в заведении уже было шумно; заходящих в него гостей быстро обслуживали двое проворных молодых работника Давида.

- Как почему? А знания о Молокке?! Государь-то ведь тоже имеет их! Да-а! И потом, - дослушайте уж, сударь, - спустя пять лет Иоанн стал просвитером и стал прозываться Златоустом с легкой руки одной прихожанки!

- Прихожанки? Вы уверены?

- Да! На нее услышанное ею выступление данного священника произвело глубочайшее впечатление... Да, да! Да! Как в свое время и в Белогороде, где, сказывают, полюбилась молодому монарху одна красивая женщина. И она, впечатленная его красотой, бросала ему цветы, а

потом... Уж и не знаю, стоит ли продолжать?... – Иван уже сам приблизил ухо к губам хозяина.
- Одним словом, сударь, совпадений так много, что как не поверить в раздвоение государя? Иоанн это – Молокк! Петр – Молокк! Вот кто они!

- Тс-с! – сказал тут, прерывая, Иван.

Давид осекся и стал озираться.

- Никто не слышит нас!.. Или я что-то наврал?!

- Не вздумай при мне как-нибудь сомневаться в авторитете императора. Этого я ни от кого не потерплю, даже от тебя, мой друг!

- «Друг»!

- Можешь так считать. Друзей никогда не бывает много.

- Друг! Как это прекрасно звучит из уст таких господ!.. Хорошо, тогда зовите меня просто Давидом сыном Захария, и я ваш навеки!..

- Но есть одно условие: ты, Давид сын Захария, должен почитать государя. И если Молокк хорош – я примирюсь!

- Боже! Разве я что сказал? Я лишь повторяю, как попугай, то, что твердят эти разбойники из раскола. И пусть меня покарает та же рука, что и их главу Кореня Молоканова.

- То есть как покарает?! С ним что-то случилось? – встревожился Иван.

- Так вы и не слыхали? Увезли его насильно на всенародный спор в Синод, да не сразу отпустили: вдруг объявили в заговоре его единоверца-сектанта Хому Ротошева который, представьте себе, организовал хищение царской шапки Мономаха! И вот, вместо своей защиты, Молоканов принялся защищать бедную семью своего несчастного единоверца: чтобы не трогали ее, де, до полного окончания следствия! И, говорят, император Петр так и дозволил. Он приказал дать следствию целых три недели, хотя императрица Катерина и была против... Добр, добр! Велик! Так все и у Златоуста...

- Разве?

- Конечно! Посудите же сами, - с пылом продолжал Давид, - когда жена римского императора, Евдоксия, распорядилась о конфискации собственности у вдовы и детей одного опального вельможи, святитель Златоуст встал на их защиту, попал в ее немилость и был приговорен к смерти...

- погоди! – пошептал Иван, пораженный собственной догадкой. – Уж не намекаешь ли ты на то, что подслушал тут, в своей гостинице, о заговоре против государя?!

- Что вы, что вы! – сказал Давид, понижая голос до скулежа; он при том заговорщически кивнул и даже подмигнул собеседнику. – Но неужели вы выслушаете и то, что было дальше?!

- Я и сам знаю эту историю, ты вернись к тому, о чем я спрашиваю тебя!

- Знаете, да не про все, что должны знать! Лишь константинопольское землетрясение, случившееся, как знак, тем же днем заставило Евдоксию сменить гнев на милости... Затем старец Иоанн был по доносу все же сослан - в Армению. А в конце жизни его случится то, что будет и с нашим государем Петром: в сопровождении конвоя в зной и в дождь Иоанн совершал свой последний переход. И, причастившись святых тайн, сказал последнее слово «Все!»

- Да, это интересно.

- Как же не интересно, когда так же изречет при кончине своей и наш государь: «Все!»

Таковыми словами подводил итог своей тайны, от которой по ночам плохо спал, а днем шептал молитвы во спасение своей собственной семьи, слишком разговорчивый хозяин гостиницы с трактиром. На самом деле, слишком людное было это место, на границе нового города и старообрядчески кварталов, чтобы не опасаться чьего-либо гнусного на него доноса из числа постояльцев.

- То есть что же именно – это «Все»? – спросил крайне заинтересованно Иван, поражаясь тому, как открыто обсуждаются в молодой столице такие вещи. Иван, прибывший сюда на

постоянное жительство из Великого Новгорода, до конца к этой опасной вольнице все еще так и не привык.

- А то все, что - «Отдайте, - дескать, - все...» И, не закончив тайны, он почиет. И, говорят, видели рядом с императором в тот час троих человек: его лейбмедика Любентроста, графа и, вроде бы, молодого пушкаря-дворянина, который впоследствии и распорядится богатством императора! И в тот даже миг рассеются все сомнения: был ли государь только Петром, или одним из двух, Златоустом или же... - Давид начал креститься, а Иван уже догадался что сейчас он произнесет - популярное среди раскольников обвинение государя - «Антихрист» и быстро прервал его:

- Тс-с!

- Молчу, молчу! Но, однако же, и добавлю, - не унимался Давид. - Немножко про старые церковные реформы Никона! Как ни гневен на них Молоканов, а признает: мощи Петра, как мощи Златоуста, будут нетленны! Кристаллы, таящиеся в них, могут повторять пройденное и учиться на ошибках. Это - путь к безграничной власти!

- Это что-то новенькое. Не слышал прежде, что цари учатся на своих ошибках.

- Вы правы! Отчасти, сударь, но правы! Ибо даже мощи эти они не смогут противопоставить силе Шапки Мономаха, которая вернет старые обряды на Русь!

- Значит, вы даже сочувствуете старообрядцам? - удивленно спросил Иван.

- Только в той мере, чтобы вы точно знали: если полюбившаяся вас девушка из этих кварталов - сектантка, я ни за что не осужу ваш выбор!

- Да, Давид, признаю: вы не только бесценный собеседник, но и хороший товарищ!

Давид улыбался и натирал свой край стола до блеска.

«Многое в разных пророчествах сходится, - думал Иван, - да не про все и не про всех. И Петру I, вопреки его недоброжелателям, возможно, жить еще сорок пять лет; и станет ему сто; и станет он старцем бородатым, и посмеется он над современными горе-прорицателями!..»

Иван осторожно оглядывался по сторонам. Слишком, слишком смелы и опасны были произносимые вслух речи, и уже казались опасными даже мысли. Однако в словах этого всезнайки-трактирщика, который с утра до ночи слышит у себя пьяные речи, звучит явный намек на зреющий в империи заговор! И теперь он, Иван, должен что-то еще выведать об этом заговоре! «Это его шанс! Да, император может скоропостижно умереть от болезни. Но разве и сама болезнь не может быть следствием заговора?.. - Многое я бы отдал, чтобы узнать эту тайну. Ведь она обеспечит дворянскую шпагу и милости спасенного императора!..»

Но Давид прервал его размышления, переводя внимание на другой объект.

2

- А вот и сам Ванн де Болос! - заговорщически сказал Давид, не выказывая излишней расторопности, но явно растроганный появлением в дверях прилично одетого, в камзоле и узких штанах - с претензией модные панталоны, вдетых в ботинки, в светлой широкополой шляпе, человека. Хозяин трактира и гостиницы направился к гостю.

Было этому гостю около тридцати пяти лет. Внимательный взор, которым он в одну секунду прошуupal обстановку питейного заведения, указывал на человека, знающего себе цену и не собирающегося вступать в сношения с кем попало.

Прежде всего, он ответил на поклон Давида и, посоветовавшись с ним о чем-то, стал подниматься наверх, в номер гостиницы.

Иван решил, что не сойдет со своего места, пока не прояснит хоть что-нибудь относительно этих странных посещений заурядной гостиницы, построенной очевидно не для господ, но разве что любителей пропустить стаканчик вина мимоходом, оказавшись в этом квартале случайно, а, напившись, - попросить угла для сна.

- У меня тут, ей Богу, наблюдательный пункт! – прошептал, через несколько минут вновь оказавшись у стола Ивана, особо внимательный к господам хозяин заведения. – Этот голландец здесь уже в третий раз, - пояснил Давид. - И это ни кто иной, как плотницкий мастер архитектуры.

Да, да! Это он около года тому назад перестроил Аничков мост, когда понадобилось перенести по нему какого-то бронзового колосса, напоминающего пустотелый колокол, и похожий на быка, и затем снял рядом квартиру...

Вы не догадываетесь, кем мог быть этот колосс?

- Неужели сам Молокк?

- Как я рад! Значит вы действительно слушали меня! Ах, как хотел бы я знать, куда же поместят его?! – воскликнул Давид. – Ведь потом стоит только определить это место в отражении карты, на другой стороне Невы, - и новая тайна разгадана!

- Какая тайна, господин Давид, сын Захария?

- Конечно о каком-нибудь ребенке!..

Если его не окажется в животе Молокка, где он прячет детей, значит этот ребенок, по крайней мере, в животе своей матери!.. А если эта мать – дворянка, а дитя - незаконнорожденное – то знание такой тайны – это, может, и выгода!

VII

ЗОЛОТОЙ КОРАБЛИК АДМИРАЛТЕЙСТВА.

ТАЙНА ЗОЛОТОГО ШАРА.

ПИСЬМО ВЫСОТНИЦЫ В КРЕМЛЬ

(Мини-повесть)

1

Следивший за монитором и фиксирующий поступления новых данных, Илья Куртяхин видел, как менялись варианты реконструкции видеOVERSII, создаваемые системой «Скиф» согласно поступавшим в нее материалам.

Реконструкции событий были столь совершенными, что Куртяхину, порой, казалось: все в рамках экрана происходит наяву, а он, как шпион, подсматривает за событиями с помощью чудесного прямоугольного ока в иной мир.

Правда, Куртяхину, порой, не хватало эффекта увеличения, то есть приближения некоторых фрагментов, что в реальности достигается, когда движется видеокамера, делает оборот вокруг объекта съемки.

Только компьютер сознательно не пытался вводить людей в заблуждение, ведь он не мог знать всего, что знали они; как и о том, что на один и тот же предмет внимания в разном состоянии души они смотрят по-разному...

Но и без того эффект какой-то другой реальности был столь силен, что если бы Куртяхин не бал на работе, он бы без колебаний отстранился от всего этого чужого видения.

Как невидимый ангел, он пребывал в своей точке и наблюдал за жизнью людей почти трехсотлетней давности. За плоскостью экрана шел 1722 или 1723 год.

Между тем Куртяхин производил записи полученной и проанализированной информации.

Вначале он внимательно следил за разговором хозяина гостиницы «Медведь и росомаха» Давида с Иваном Протасовым, и при том, в частности, отметил, что несколько раз была упо-

мянута шапка Мономаха; о ней говорилось, как о сакральной вещи, способной влиять на большие события.

В последнем кадре потусторонней реальности хозяин гостиницы Давид встретил нового и очень необычного для его скромного заведения постояльца – архитектора Ванн Болоса.

Воспользовавшись паузой, пока Давид провожал гостя наверх в один из номеров, Куртяхин набрал запрос на этого Ванн Болоса, оказавшимся уроженцем Амстердама, и познакомился с его кратким жизнеописанием жизни в Санкт-Петербурге. Сюда он прибыл в двадцатидвухлетнем возрасте, служил императору Петру I, прожил здесь до самой смерти, до середины шестидесятых годов – в то время императрицей была уже Екатерина II. Так... что еще?.. И в самом деле, перестроил Аничков мост...

Вскоре после кончины Петра I, до которой, как и предсказывал Ивану много о чем ведающий Давид, оставались считанные месяцы, Болосу будет доверено возвести деревянный мост-акведук для питания фонтанов Летнего сада; спустя двадцать лет он, уже признанный мастер, существенно расширит и перестроит Екатерингофский дворец; затем им будет возведен Большой Конюшенный мост через Мойку и уже там он снимет целый двухэтажный домик. На нем он пристроит башенку со шпилем.

«Ну, вот, ближе к делу!» - мысленно воскликнул Куртяхин, узнавая и то, что особенно хорошо данному плотницких дел мастеру удавались остроконечные навершия зданий. Шпили Исаакиевской церкви, Конюшенного двора, Петропавловского собора и Симеоновской церкви – все это было его работой. А, кроме того, он возвел и шпиль на здании Адмиралтейства!..

Белоцерковский тоже был специалистом по высотным объектам... Следовательно система «Скиф» шла по правильному пути. «Кто бы сомневался!» - похвалил ее Куртяхин.

Компьютер просигналил, и картинка с данной информацией исчезла, уступая место более важному фрагменту, будто досконально зная способности оператора к скоростному чтению и скоростному просмотру видео продукта. «Скиф» возвратил Куртяхина к прерванному видео сюжету, когда Болос вошел в гостиницу.

...В номере гостиницы у Давида мастер Болос стоял у окна в отведенном ему номере, и оттуда смотрел через небольшую, но изящную, с золотыми дужками, подзорную трубу в сторону центра, явно на Адмиралтейство. Потому что, отложив трубу, он вынул из кармана свиток, положил его на стол и не без гордости сказал кому-то, стоявшему рядом (виртуальная камера наблюдения, словно, застыла):

- Эта работа мне была предписано самой Адмиралтейств-коллегией, - и вы тотчас в том можете удостовериться, ибо черным по белому написано: «адмиралтейский шпиц достроить всякою столярною и плотницкою работою и укрепить своими мастеровыми людьми и на одном шпиле поставить яблоко и корабль и поверху его корону».

- Да, вижу, - раздался голос второго, - вы сделали ее.

- Сие я исполнил не раз, меняя варианты, но тут дело другое, - понизил голос мастер. - В небе, раздув паруса, должен плыть не просто кораблик-флюгер, господин Бецкий, но нечто большее, зависящее не только от ветра!.. Мы понимаем о чем идет речь: о зеркалах Одина, способных поражать на расстояниях, о кристаллах, вызывающих устрашающие миражи, и о других вещах, которые могут влиять на мозги! Я делюсь с вами этой тайной! Но теперь вы должны помочь мне скорректировать ориентиры, для установки позолоченного памятника государю!..

- Я польщен вашим доверием, но какова моя роль в этой работе? – искренне удивился вдруг появившийся в кадре - рядом с Болосом - симпатичный молодой человек, в красивом камзоле, с дорогой шпагой, новых узких сапогах, лет двадцати, к которому Болос обратился, произнеся его имя.

- Вы, как племянник его светлости протоинквизитора, графа Василя Павловича Широкова, конечно, знаете, что посажен в тюрьму глава секты «Дух Молокка» духоборец Корень

Молоканов. И не от того, что духоборец и спорит с Синодом и церковью, а по делу проворовавшегося заговорщика Хомы Ротощева. – Переведя дух, он продолжал:

- На дознание по делу Ротощева о краже шапки Мономаха отпущено еще три дня. Но именно у Молоканова, и что возможно, - именно в этих кварталах, где его дом, или же в самом доме, - находится каменный идол, на который они хотели надеть шапку и повлиять на мозги государя!..

- Я, полагаю, господин поручик, - затем попросил Болон, - в ваших возможностях, наметнуть как-нибудь Молоканову, что, якобы, собираются уничтожить идола, и он, возможно, начтен искать способ связаться с сообщниками и тем самым укажет нам, где этот незримый идол спрятан!

Поручик Бецкий с изумлением воззрился на мастера плотника; заслуги коего были еще слишком незначительными, чтобы участвовать в таких заговорах и обременять поручика про-тоинквизиции подобными просьбами. «В своем ли он уме!» - подумал он, и Болос угадал его чувства, тем более, что был к ним готов. Он умоляюще сложил руки.

- Вы должны знать, есть определенные точки маршрута для передвижения через город духа Молокка; это славянский противоположный образ духа Молоха, презираемого Господом, если вы не знаете. Я должен точно знать о трех главных точках, учесть параметры углов того треугольника, что позволит по опыту древних планировать общую постоянную величину высоты шпилей на различных объектах Санкт-Петербурга. Иначе будет бесполезна буссоль – прибор для топографической привязки и управления артиллерийским огнем, которая будет храниться в носовой части кораблика. Но главное – может не действовать сила памятника, для чего он и возводится. И тем более, страшно подумать, что искривится путь луча кристалла с силой Молокка! Это, признаюсь, сведения не для каждого уха!

- Я, честное слово, польщен, но еще больше изумлен! – проговорил с изумлением и некоторым недовольством Бецкий, поправляя белую манжетку на рукаве. – Я не могу решать такие вещи, есть же ответственные люди! Хотя теперь я и понимаю, что вы посвящены в большие секреты!

- О да, конечно, иначе я не осмелился бы обратиться к такому человеку, как вы! Вы – племянник графа Широкова!

- Я поздравляю вас за успехи, но причем здесь я? – Бецкий явно выторговывал для себя лучшие условия сделки.

- Поймите, тем самым вы мне лично окажете величайшую услугу. А преданный друг никогда не бывает лишним! Я чувствую, я могу вам пригодиться, но для этого я уже сейчас должен проявить себя не как подмастерье, а как тот, кто сам управляет ситуацией и раздает команды.

Затем он поспешно добавил:

- Я сделаю расчеты и покажу господам князю Меньшикову и графу Томову готовую работу.

Он посмотрел какое это произвело впечатление и закончил:

- Я не могу предъявлять проектные чертежи, ни на чем не основанные! Мне доверяют! Повторюсь, я не посмел бы прийти сюда, кабы не чувствовал за собой блестящего будущего. Я уже и сейчас посвящен в очень большие тайны!

- Хорошо, я поговорю с дядюшкой. Это все? - небрежно бросил Бецкий.

- Это все, чего я больше всего желаю сегодня, а завтра... Как знать! Может, мне доверят перестраивать и даже строить новые дворцы!.. А ведь и в них, как вы понимаете, - всегда надо предусмотреть места энергетических потоков?!..

- Понимаю! И уверен, что вы не откажете в будущем поработать и над планом и моего дома? Услуга за услугу?..

- Да. И я надеюсь свой дом у вас вскоре появится.

- Я тоже, господин Болос, ведь не просто жить в доме такого дядюшки, как мой, поверьте. И к тому же, я всерьез подумываю о женитьбе. – Бецкий невольно подумал о той, которую он теперь ждал, высматривая из окна своей мансарды – дочь старца Молоканова Лизавету. Теперь, ради освобождения своего отца, она согласится на все! Главное, не выпустить его из тюрьмы прежде, как это свершится!..

- Каков ваш ответ, мы договорились? – спросил Болон.

- Вот вам моя рука. А теперь мне надо идти. – И он, откланявшись и тряхнув кудрями, заменявших лучший парик, на ходу поправляя манжету для всяких глаз, обращенных на него, как и для каждого завистливого взора, стал спускаться по ступенькам.

2

Изображение на время исчезло, и Куртяхин вернул на экран монитора сведения о Болосе.

«Странно, - подумал он. – Бецкий должен был дожждаться в гостинице той минуты, как появится Лизавета. У него должны были быть на этот счет точные сведения, хотя бы почерпнутые от его же всемогущего и всезнающего дядюшки протоинквизитора. Не желая покидать своего поста, он назначил Болону встречу здесь, но теперь, вероятно, уходит для отвода глаз и вскоре вернется...»

После этого Куртяхин запросил информацию о золоченом кораблике, который Болосу поручили установить на шпигеле Адмиралтейства.

Кораблик в действительности был позолоченным, как и весь купол и шпигель, на которые в общей сложности ушло ровно - подчеркивалось - пуд золотых монет. Кроме этого в лигатуру позолоты было добавлено также – указывалось - и «шестнадцать начищенных зеркальных медных копеек со Смоленского погоста». Таковой была лигатура явно чудесного Парусника весом более шестидесяти килограммов.

«Хороша энгергетическая игрушка!» - подумал Куртяхин, и тут же сам убедился, что все связанное с этим «корабликом» было покрыто мраком различных тайн.

На нем имелась надпись, и ее прочитала одна из молодых альпинисток, высотниц, которые во время войны в блокадном Ленинграде закрашивали и прикрывали специальными покрывалами шпигели и башни, чтобы они не могли служить метками для наведения и корректировки огня противнику.

Кораблик стоял на шпигеле, но между ним и шпигелем имелся позолоченный шар. «Его Болос называл «яблоком».

Когда-то над шаром вместо кораблика сияла царская корона с полостью, в которой хранилась копия драгоценной Шапки Мономаха.

- Да, в этой шапке поистине какая-то сакральная сила! – прошептал Куртяхин. За сегодняшнее утро это было уже четвертое или пятое напоминание о ней.

Были в том шаре и другие вещи. Высотница, прочитавшая надпись на кораблике, послала письмо Сталину. Ее звали Серафима Вижутерина. И еще, на что обратила внимание Серафима, - позолоченное судно на шпигеле, словно, собралось в себе образы сразу нескольких типов кораблей.

Она не понимала для чего это было нужно его создателям, но после работы, уставшая, она нашла в себе силы прийти в библиотеку Адмиралтейства и попросила книгу о проектировании этого здания, о строительстве его знаменитого шпигеля. Нашла главы с изображениями судов, построенных до Петра I и после него. Ей стало интересно: какие из них послужили прототипами кораблика, который ей приходилось укрывать от взора фашистских наводчиков.

Инструктируя ее, ей по секрету сообщили, что в шаре или на кораблике мог находиться очень важный армейский прибор.

Уже несколько дней подряд сильно штормило, и аэростат никак не мог прицепить к шпилью веревку, чтобы альпинисты приступили к работе. Лишнее время у Серафимы нашлось, и она, основательно готовясь к высотному восхождению, обрадованная, что такая книга имелась, прочитала ее от корки до корки.

Она изучила и изображение флюгера – двухпалубного корабля с четырьмя Андреевскими флагами, с диагональными крестами, повернутыми вправо. Среди представленных в книге судов были также однопалубный фрегат «Орел», построенный еще отцом Петра I, Алексеем Михайловичем, в 1667 году; фрегат сильно напоминал голландский пинас – небольшую торговую посудину. Позже это судно было захвачено в Астрахани казаками Степана Разина. На парусах читалось: «Бурям навстречу». Последний из судов был линейный корабль с 54 пушками, построенный на этих самых верфях петербургского Адмиралтейства.

Это был один из четырех линкоров типа «Святой Михаил», заложенных и спущенных на воду в Адмиралтействе в 1720-х годах.

«Нет, этот линкор тоже не мог бы вдохновить Болоса, чтобы создать свой «энергетический» кораблик. Не тот прототип! Болос, конечно, стремился сделать то, что должно было являть собой сакральный символ!» - подумал Куртяхин. Он попытался последовать за логикой рассуждений Серафимы Вижутериной, пытавшейся понять: какой именно корабль был на шпиле.

Похожий на «Святого Михаила» корабль «Полтава» с тем же количеством пушек был заложен сразу после победы над шведами в 1709 девятом году. Но, опять же, на кораблике-флюгере было два ряда пушечных портов и всего четырнадцать пушечных окон для ведения огня.

Отсеяла Серафима и отечественные тридцатидвух- и тридцатишестипушечные корабли.

Больше всего по числу орудий флюгер походил на модель двухдечного корабля, построенного Петром I во время его обучения в Голландии, но там было несовпадение по парусной оснастке. «Значит, - наконец-то сделала вывод Серафима в записке командованию, - флюгер представлял собой собирательный образ российских судов!»

«Вот в чем весь смысл! Связка прототипов кораблей – как мощный энергетический кулак! И не только из любопытства Вижутерина взялась столь тщательно обмозговывать этот вопрос, найти ответ. Она гордилась за Россию!»

Как она сообщала, когда достигла вершины шпиля, ее очень удивила и обрадовала обнаружена на флюгере надпись: «Не тронь меня!», как и то, что странный прибор на носу кораблика испускал какой-то луч, который был виден только там, наверху и вблизи прибора. Снизу же его не было заметно вообще.

«Это уже серьезно!» - обрадовано произнес Куртяхин, помня, что именно благодаря подобному энергетическому лучу были спасены восемь девочек, похищенных психопатом Белоцерковским. Его пленницы разглядели в прогалинке закрашенного окна своей тюрьмы какой-то бьющий издали и будто бегающий желтый лучик. Они сумели передать это в письме кому-то из родителей. Полиция обнаружила этот луч специальным прибором, указавшим, что луч бьет прямо в стену квартиры похитителя детей.

Сейчас Куртяхину оставалось установить тесную связь Белоцерковского с прошлым, с сакральными вещами и тайнами, часть которых преступник очевидно знал и стремился найти, быть может, императорские сокровища. Петр хранил их в разных местах, и несколько доверенных преданных лиц знали об этих драгоценных схронах.

В том числе и поставщик вин императорскому двору обрусевший купец греческого происхождения Вишховатый.

Он имел дом со звонницей, который не случайно горожане называли «греческим домом Вишховиди».

Теперь в том доме было несколько квартир, одну наверху купил преступник Белоцерковский и восстановил на крыше звонницу, даже повесил небольшой колокол с колокольцами.

Уже было выяснено, что луч со шпиля Адмиралтейства, упирившийся в другую квартиру Белоцерковского, где он прятал детей, пронизывал окна звонницы, едва ли не задевая колокольцы. Когда они приходили в движение - перекрывали путь лучу, и, таким образом, исполнение разных звонов обеспечивало определенную прерывность луча, словно, передающего сигналы наподобие азбуки Морзе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.